Великие люди эпохи

Екатерина

ФУРЦЕВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наверное, двадцатый век и не вспомнит еще одной такой же женщины, как Екатерина Алексеевна Фурцева. Ей единственной удалось побывать и секретарем ЦК КПСС, и членом Президиума ЦК, и первым секретарем Московского горкома партии, и министром культуры СССР. О ее талантах и способностях теперь уже ходят легенды. Но, тем не менее, даже в современное время личностью министра культуры интересуются не только историки. Ей были свойственны необузданный характер и традиционная русская болезнь, потрясающее обаяние и красота, удивительная способность легко заводить знакомства и добиваться задуманного, ее любили и ненавидели… Так какова же она была на самом деле, Екатерина Великая? Точного ответа не сыскать! Она поистине была женщиной-загадкой. Но о том, как складывались основные вехи ее судьбы, вы узнаете, прочитав данное издание…

- Анна Ярошевская
  - Ночной звонок

Анна Ярошевская
Екатерина Фурцева

Бычьи нервы + оптимизм

Ночной звонок

Ночью, 24 октября 1974 года, в квартире на Кутузовском раздался звонок:

– Светлана, Екатерины Алексеевны больше нет, – сообщил муж Фурцевой, Николай Павлович. По телефону было отчетливо понятно – он с трудом сдерживал себя, чтобы не зарыдать перед падчерицей.

– Но… – едва успела вымолвить она, будучи в состоянии шока, как Фирюбин уже положил трубку.

«Как такое могло произойти? Всего несколько часов назад мама была у нас в гостях, и ничего не предвещало беды! А потом мы разговаривали по телефону, когда она была уже у себя, она собиралась спать…» – судорожно выстраивала в мыслях хронологию последних событий вечера дочь Екатерины Алексеевны.

На следующий же день поползли слухи, будто Фурцева сама свела счеты с жизнью. Светлана этому не поверила, впрочем, как и не поверит никогда. «Мама никогда бы не бросила нас с Маришкой!» – таков был ее ответ.

Вторая половина двадцатого века, пожалуй, и не помнит женских имен и лиц, которым бы удалось построить такую же головокружительную политическую карьеру, как у Екатерины Фурцевой. Не говоря уже о том, чтобы превзойти все ее успехи – секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК, первый секретарь Московского горкома партии и почти четырнадцать лет – министр культуры СССР.

Путевка в жизнь

Катя родилась 7 декабря 1910 года в городе Вышний Волочек в Тверской губернии. Ее родители были простыми рабочими: отец, Алексей Гаврилович Фурцев, – рабочий-металлист, мать, Матрена Николаевна Фурцева, – ткачиха на фабрике. В то непростое время детям было незнакомо понятие «счастливого детства», ведь в период первой мировой войны отец Кати был призван на фронт, где и погиб в первых же боях. Несмотря на то, что девочка была совсем маленькой, и своего папу почти не помнила, его смерть оставила глубокий след в ее душе на всю жизнь, это была психологическая травма, которая так и не зажила с годами. Маме, Матрене Николаевне, приходилось очень непросто – она одна растила двоих детей, Катю и ее брата. Об очередном замужестве не могло быть и речи – во время трудовых будней было вовсе не до этого. Матрена Николаевна была сильной женщиной, с жестким характером и силой воли. Видимо, этот «набор качеств» и унаследовала от своей мамы Катя. Однако эта внешняя непоколебимость и сила не смогли побороть внутреннюю слабость и горечь переживаний, с которыми она так и не сумела справиться.

Матрена Николаевна была очень энергичной женщиной, к тому же, очень властной. Если другие работницы, придя домой с фабрики, общались с мужем и детьми, принимались готовить, стирать и убирать, делать уроки и решать другие бытовые вопросы, которых предостаточно у любой хозяйки с мужем и оравой детей, то у Матрены Ивановны распорядок дня, отличающийся от традиционного, проходил иначе. И время это она использовала на благо общества. Все уважали Матрену Ивановну за ее строгость и рассудительность, а потому после революции мама Екатерины стала депутатом в городской совет.

Именно отсюда, именно с этого возраста, Катя влюбилась в общественную жизнь и митинги. К тому же она всегда очень гордилась своей деловитой мамой. Девочка видела, как выступала Матрена Николаевна, как она общалась с людьми, разумеется, она и сама мечтала быть такой. Вскоре Катя пополнила ряды комсомольских активисток. Тогда она и не догадывалась, что именно комсомольская организация подарит ей путевку в жизнь.

В 1925 году Фурцева окончила семилетку. Пятнадцатилетней девчонкой она поступила в школу фабрично-заводского ученичества. И, в скором времени, получив навыки ткачихи, Катя начала работать на ткацкой фабрике «Большевичка» в родном

городе Вышний Волочек, там же, где работала мама. Как обычно бывало, ранняя занятость ребенка вызывала только уважение, но Фурцеву почему-то с презрением называли «ткачихой», и обидное прозвище сопровождало ее на протяжении долгих лет. На тот момент казалось, что судьба ее была предопределена. «Неужели в ближайшие тридцать лет мне придется слышать только этот одуряющий грохот ткацких станков? А на пенсии довольствоваться лишь мизерным пособием и ранней глухотой?» – в ужасе представляла себе незавидное будущее Катя.

Но, у судьбы на девушку были свои планы… А пока Катя Фурцева днем работала на фабрике. Вечером же она ходила на политические собрания. В маленьком городе было много отсталых людей – тех, кто пока ничего не смыслил в целях и задачах пролетарской революции. Именно для того, чтобы бороться с незнанием и политической неграмотностью горожан, Катя и проводила всевозможные агитационные мероприятия, главной целью которых было – ударить по политическому бескультурью. Прошло совсем немного времени и активную комсомолку заметили старшие товарищи. Очень скоро на фабрике Фурцева была избрана секретарем комсомольской организации предприятия. А еще через 5 лет после начала работы Екатерина вступила в партию. В 1929 году первым партийным заданием было оказание помощи сельским районам Центрально-Черноземной области. ЦК ВЛКСМ направил ее вместе с большой группой комсомольских активистов в Курскую область, где Фурцева была избрана секретарем Кореневского райкома ВЛКСМ.

Вот, тогда-то в полной красе и проявился ее организаторский талант, умение быстро, по-деловому решать проблемы, опять-таки, навыки общения с людьми разного социального уровня. А в 1930 году Екатерина Фурцева была уже членом Коммунистической партии. Тогда она, наконец, ушла с фабрики и стала профессиональным организатором. Как никто другой она умела доносить на собраниях линию партии, причем, делала это искренне и горячо, вкладывая идеологию не в головы, а в души собравшихся горожан. Также удавалось Кате и распределять поручения между коллегами, следить за тем, чтобы все эти задания были выполнены. Большего от молодой активистки и не требовалось…

Екатерина Алексеевна, чем бы она ни занималась, какой бы пост не возглавляла, постоянно была в гуще событий, много общалась с народом, энергично бралась за любое дело и всегда доводила его до конца. Причем, она справлялась с любой задачей. Всегда и везде!

После непродолжительного пребывания в Курской области

Фурцеву перевели в Крым в Феодосию в связи с комсомольско-партийным заданием. Здесь ее ожидала новая должность – секретарь Федосийского горкома комсомола, а после – член бюро Крымского обкома комсомола.

В то время, в Крыму, в живописном и очень красивом поселке Коктебель жил выдающийся поэт и художник – Максимилиан Александрович Волошин. Именно его знаменитая дача еще с дореволюционных времен обладала особой популярностью. Это было негласное место, где собиралась богема. После революции – в 20-х годах – для того, чтобы избежать проблем, Максимилиан Александрович официально зарегистрировал собственную дачу как бесплатный Дом творчества.

Коктебель находится всего двадцати километрах от Феодосии. Этот поселок относился к территориям, над которыми Фурцевой еще предстояло поработать. Она должна была донести идеологию партии для жителей населенного пункта. И молодая Катя Фурцева как хороший комсомольский работник, как секретарь Феодосийского горкома, должна была бывать в городке очень часто. К тому же, это было потрясающей возможностью, как говорится, совместить приятное с полезным. Коктебель или, как его иногда называли, Советская Ницца, был настоящим центром ночной и культурной элиты. Девушка этой обязанностью не пренебрегала, с удовольствием навещала поселок и заводила там знакомства. Именно там она, например, познакомилась с Сергеем Королевым, будущим создателем ракетной техники, а также завязала связи с многими писателями, актерами, артистами, политиками и другими известными людьми той эпохи. Уже в то время в Кате наметилось стремление и любовь к культурной жизни, девушка изо всех сила пыталась ее постичь.

А, между тем, жизнь в солнечной Феодосии Кате очень нравилась. Она обожала море. А летом, в сезон, плавала каждый день, заплывая на очень длинные дистанции. Будучи прекрасно сложенной и имея прекрасную фигуру и красивые, длинные и стройные ноги, она была талантливой пловчихой. И нужно отметить, у девушки было немало поклонников, один из которых, инструктор горкома, однажды пригласил ее на базу планеристов Коктебеля.

Катя, будучи чрезвычайно увлекающейся натурой, полюбила этот вид спорта всей душой. Она могла бы продолжать заниматься политикой и культурой и спортом там, на Юге. Могла бы найти суженого среди местных жителей, могла бы радоваться жизни и продолжать работать в этом жарком крымском городе… Но и это было не то! Что-то все время мешало! Может быть, комсомольская деятельность, а, может, и что-то совершенно

другое…

В 30-х годах в СССР был очень популярен лозунг «Комсомол – на самолет», молодые люди всеми силами пытались подняться в небо, развивалась авиация, парашютный спорт. Все это привело к закономерному итогу: молодая активистка Екатерина Фурцева, девушка спортивная, конечно же, увлеклась авиацией. Летчики в то время считались чуть ли не небожителями. В стране очень активно развивалось планерное искусство и прочие направления воздухоплавания, и вот Екатерина Алексеевна добилась того, чтобы ее отправили на высшие курсы Аэрофлота. Это потребовало очень серьезного понижения в должности – Катя стала простым членом обкома. И вот уже Фурцева на другом конце страны – после теплого Крыма перед глазами простирался дождливый, но от этого не менее прекрасный, Ленинград, самое настоящее сердце революции. Там она и обучалась на Высших курсах гражданского Аэрофлота в течение трех лет.

После обучения Кате было суждено стать помощником начальника политотдела по комсомолу в авиационном техникуме. И здесь же было суждено встретить свою первую любовь – летчика Петра Ивановича Биткова.

Любовь с небожителем

Когда Катя получила путевку на Высшие летные курсы в Царское Село под Ленинград, это было настоящей удачей и настоящим счастьем. Ведь тогда-то партия и провозглашала различные лозунги, которые так вдохновляли! Как же это было интересно! В то время, время определенной и своеобразной романтики, летчики были не просто людьми, а чем-то мистическим. Почитаемые, уважаемые мужчины, вечно окруженные женским вниманием… Быть замужем за летчиком – это считалось настоящим счастьем. Положение дарило и такие привилегии, как престиж, уважение, жизнь как в сказке.

Командиром летного звена, в котором находилась Фурцева, являлся Петр Битков. Он был необычайно привлекательным мужчиной – высоким, стройным, сероглазым, обаятельным. Женщины вокруг него так и вращались, постоянно кокетничая!

Нюра, первая ленинградская подружка Кати Фурцевой, всерьез влюбилась в романтического красавца. На праздновании очередной годовщины Октябрьской революции молодые люди, которых в компании было очень много, решили собраться именно у Нюры, поскольку именно она была единственной, кто не жил в общежитии, а снимала комнату у своей тетки в Ленинграде. Тогда Катя подала подруге идею пригласить на вечеринку и того самого командира. Девушка, разумеется, поддержала предложение. Конечно, Нюра очень рассчитывала на этот вечер, ей как хозяйке больше всех хотелось блеснуть перед Петром, показать, какая она чудесная и домовитая девушка. Но все сложилось немного иначе.

Вечер и вправду удался. Петр Битков пришел с гитарой. Командир играл, пел и очаровал всех собравшихся девушек. Катя сидела напротив него и внимательно слушала, не сводя с него глаз, а Нюра много хлопотала, постоянно бегала на кухню и обратно, принося новые закуски, предлагая всем чай. За домашними заботами Катина подружка и не замечала, что Катя и Петр все время переглядывались. Он в тот вечер как будто впервые увидел Катю – ее пушистые волосы, подстриженные в скобку, очаровательное маркизетовое в цветочек платье с красивыми оборками, тонкие кисти открытых до локтей рук, немного смущенную девичью улыбку…

«Какие же у нее глаза! Синие-синие, как море! А в них чертики, чертики, чертики… Эх, что за девушка!» – думал, глядя на симпатичную девушку, Петя Битков.

Вскоре они начали встречаться. Катю не смутил тот факт, что

у Петра в Ленинграде была жена и ребенок. Как и многим людям того времени, Кате не свойственны были мещанские предрассудки.

Битков оказался человеком с лидерскими качествами, привыкшим быть в центре внимания. И нужно отметить, что Екатерина, сильная и волевая женщина, рядом с ним выглядела как серая мышка. Видимо, ей самой нравилось чувствовать себя слабой рядом с настоящим мужчиной. И она сама уходила на задний план, выделяя своего суженого, позволяя ему блистать, как и должна, наверное, делать настоящая женщина.

Молодых людей совершенно не беспокоил вопрос регистрации брака, а также реакция общественности на их свободные отношения. Тем не менее, такое безнравственное положение дел нравилось далеко не всем. Старшие товарищи по партии посмотрели на это дело иначе и выслали счастливую пару с глаз долой – в Саратов, отправив их туда организовывать местный аэроклуб… Уже через год этот самый клуб, который основали Фурцева и Битков, стал лучшим в Поволжье, а успехи молодых к тому времени уже супругов полностью их реабилитировали в глазах коллег.

В 1936 году Фурцева с мужем меняют место жительства. Биткова переводят в политуправление гражданской авиации в Москву. Екатерина Алексеевна тоже начинает работать в столице инструктором отдела студенческой молодежи в аппарате ЦК ВЛКСМ.

Оказавшись в номенклатуре, Фурцева круто поменяла свои представления о той жизни, которая была у нее до сих пор. Она осознала, что Москва – это совсем не Ленинград. Она поняла, что именно здесь, в этом городе, сосредоточено все самое лучшее, и именно здесь, в Кремле, находится настоящая власть. Люди, облеченные ею, нравились Кате Фурцевой особенно сильно, а генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев – стал для нее настоящим кумиром.

Дома она не раз хвасталась мужу, что «сам Косарев» с ней беседовал, что «самому Косареву» она что-то докладывала и рассказывала другие ситуации. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что ЦК – это трамплин, с которого можно прыгнуть далеко и высоко. Когда же муж в очередной раз намекал ей, что хорошо бы теперь и детей завести, Фурцева только недовольно морщилась. Катя с трудом представляла себе, как она сможет сейчас погрязнуть в быту и пеленках, когда она так нужна партии.

Но в 1937 году она ушла оттуда, чтобы поступить в Московский институт тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова по комсомольской путевке. Но и здесь ее избрали

секретарем парткома института, так как Фурцева имела опыт работы в политической области. Разумеется, учеба была отодвинута на задний план. В 1941 году студентка окончила институт и получила диплом инженера-химика.

В первые дни Великой Отечественной войны муж Екатерины Алексеевны отправился на фронт в действующую авиацию. Узнав о своей нежданной беременности, Екатерина была эвакуирована в Куйбышев, где и работала инструктором горкома партии.

Мужчины – низшая раса

Катя стояла перед зеркалом, внимательно разглядывая свое лицо. Всю ночь она проплакала в подушку, всю ночь терзала себя всякими домыслами, предположениями, несказанными фразами. А лицо этого не показывало. На нем ничего не отражалось. Это было еще одной удивительной особенностью ее организма. Как бы ни было трудно, как бы ни было печально, ее лицо всегда оставалось свежим и отдохнувшим. Отпечаток проблем и переживаний словно и не «проявлялся». А ведь сколько было таких ночей! Когда-то она не спала, потому что готовилась к экзаменам, к сессии. А когда-то маленькая Светланка так и не давала сомкнуть глаза…

Катя обладала поистине железными нервами. И с чего вдруг она вчера решила, что ее будущее предрешено и больше ничего хорошего и значительного в жизни ее не ожидает? Она поправила свои золотистые волосы, собранные в тугой пучок на затылке, и еще раз посмотрела на свое отражение – она выглядела исключительно. Новый темно-синий костюм потрясающе сидел и подчеркивал хорошую фигуру. В нем она очень походила на героиню Веры Марецкой из кинофильма «Член партии». Учитывая мнение окружающих, которые находили явное сходство во внешности актрисы и Фурцевой, и свое собственное, Катя старалась усилить эту «похожесть», отрабатывая перед тем же зеркалом и грустный понимающий взгляд, и милую улыбку. Несмотря на то, что она не успела прийти в ту форму, в которой находилась до родов, лишний вес ее все равно не портил. Что и говорить, Екатерина Алексеевна была красивой женщиной, чью внешность высоко оценивали мужчины, а женщины, как это всегда бывает, завидовали.

«И почему это я не сказала ему, что Светлана – не его дочь? – Катя снова вспоминала разговор с когда-то горячо любимым мужчиной. Обида подтачивала ее изнутри. – Пусть бы попрыгал! Вот был бы сюрприз!»

Екатерина Алексеевна посмотрела на корзину для белья, стоящую на столе, и от боли и горечи у нее сжалось сердце. За неимением детской кроватки, в ней, посапывая, тихо спала пятимесячная дочка Фурцевой, Светлана. Каким же «скорострелом» оказался этот Битков, который так пламенно и так недавно клялся ей в любви, а сейчас, когда дочке нет и 5 месяцев, ни она, ни дочь оказались ему уже не нужны. Права была Ахамтова, действительно, мужчины – низшая раса.

– Катюша, завтрак готов! Садись за стол! – сказала вошедшая

в комнату мама, Матрена Николаевна.

Перед войной Катя выписала маму из Вышнего Волочка, которая помогала с маленьким ребенком и с которой они вместе пережили эвакуацию.

Катя быстренько позавтракала и уже через несколько минут «летела» на работу. Входя в здание Фрунзенского райкома партии, она забывала о всех своих «ночных» переживаниях и мятежных мыслях. Работа, как ничто другое, помогала ей отвлечься от семейных проблем и любовных переживаний. Это было лучшее лекарство! А на дворе уже был 1942 год. Всего пару месяцев назад аппарат райкома, находясь, определенное время в эвакуации, вернулся из Куйбышева. Работы предстояло немало!

А Петр… В первые военные дни Екатерина узнала, что ждет ребенка. Это было очень неожиданно, ведь они целых семь лет прожили вместе, целых семь лет мечтали о ребенке и тут, на – тебе, в такое сложное время и такая новость… Все это, вероятно, произошло в ту ночь, когда Катя провожала своего Петра на фронт, в ту темную, безлунную, августовскую ночь. Они тогда и не сомкнули глаз. Ведь им предстояло первое расставание. Кто знал, может надолго, а может и навсегда? Потом она часто ругала себя за свою же легкомысленность. Почему она не подумала? Почему она в один миг превратилась в ту самую девчонку из Феодосии? А ведь была война, а вовсе не медовый месяц в Крыму! Но делать было нечего! Да и аборт сделать она не могла. Все сроки были пропущены. Ведь в первые месяцы беременности, Катя и не догадывалась о своем положении. А узнала вообще совершенно случайно.

В Москве, во время нередких вражеских налетов, Фурцева, по очереди с другими жильцами дома, дежурила на крыше и гасила зажигательные бомбы. В одно из таких дежурств, она упала и покатилась вниз по покатой кровле, ударившись головой и получив легкую контузию. Так она оказалась в больнице.

– Мамочка, поздравляем, у вас 10 недель! – ошарашили новостью врачи.

«А что же подумает мама? Да она же голову снимет с плеч!» – переживала Катя.

Властная женщина, член партии, Екатерина Фурцева очень боялась реакции матери на известие о том, что она беременна. Но реакция Матрены Николаевны была совершенно иной:

– Конечно, рожать! Что же, мы одного ребенка не вырастим? – улыбнулась Матрена.

– Мамочка, ты, правда, так думаешь? – у Кати словно гора с плеч свалилась.

– Конечно! будет в нашей семье пополнение! Рожать и даже

думать нечего!

Екатерина эвакуировалась в Куйбышев и работала там инструктором горкома партии. Там – в Куйбышеве – она и родила девочку. Процесс был не из простых, ведь на тот момент Екатерине Алексеевне исполнился 31 год. По словам медиков, она была уже давно как «старородящей». И вот 10 мая 1942 года на свет появилась дочка, Светлана. Имя девочки было неслучайным.

«Дорогой Петр, у нас родилась дочь. Ее зовут Светланой, как дочь вождя, дорогого товарища Сталина…» – написала она в письме, адресованному мужу, Петру.

Прошли недели и месяцы. Но от супруга не было новостей. Катя уже было подумала, что письмо затерялось, и Петр ничего до сих пор не знает. Но, через четыре месяца он неожиданно прибыл в командировку. Его поведение, его глаза, он сам – все было каким-то другим, каким-то чужим.

«Наверное, война», – подумала Катя, самостоятельно выбрав причину странного поведения мужа. Но не только в войне была проблема…

– Катя, я полюбил другую женщину. Она меня ждет, – перед самым отъездом обратно на фронт сообщил Петр.

Молодая мама ожидала чего угодно, но только не этого. Это был настоящий удар ножом в спину! В ответ на слова, крики, упреки и обвинения в предательстве, Петр ответил, пожав плечами:

– Понимаешь, я не хочу больше жить с твоей работой! Надоело!

В это время вокруг расставания Фурцевой и Биткова ходило множество слухов. Злые языки говорили, что Петр и вправду не был отцом ребенка, поэтому он и бросил Фурцеву. Другие говорили, что во всем было виновато расстояние, ведь многие так и уходили из семей. «Живешь вдали от жены, начинаешь забывать, встречаешь другую, и завязываются отношения», – делала свои выводы толпа. Что явилось причиной разрыва когда-то так горячо влюбленной пары? Ведь впоследствии, по прошествии многих лет, Петр Иванович признавался, но уже своей дочери Светлане, что всю жизнь любил только Катю…

Первый секретарь

В скором времени Фурцева поступила в аспирантуру, а через шесть месяцев ее избрали парторгом института. Она получила комнату в двухкомнатной квартире возле метро «Красносельская», где и поселилась с мамой, дочкой и братом. Казалось бы, все складывалось хорошо. Но неприятности, даже дома, не забывали напоминать о себе – брат злоупотреблял спиртным, и из-за этого с ним постоянно происходили различные неприятные ситуации.

Только работа, только партия, только великое будущее и вера в него придавали Екатерине силы и нечеловеческую трудоспособность. В ноябре 1942 года Екатерину избрали секретарем Фрузенского райкома партии по кадрам. До конца года она занимала должность второго секретаря райкома.

А Петр Богуславский в то время был первым секретарем райкома и начальником Фурцевой. Он был необычайно эрудированным и подкованным человеком, прекрасно знающим историю и философию. Имея галочку в пятом пункте анкеты, он понимал, что его карьере в скором времени суждено прекратиться. Он поддерживал и помогал Екатерине в партийной карьере и способствовал продвижению по служебной лестнице. Все, что он знал и умел, он вкладывал в нее, медленно, но верно, продвигая второго секретаря на должность первого. Благодаря, в том числе и такому стечению обстоятельств, Фурцева добилась вершины власти.

Между коллегами были не просто профессиональные отношения. Буквально сразу же после рождения дочки между Петром и Екатериной завязался служебный роман. Но сам Богуславский, будучи влюбленным в Фурцеву, прекрасно понимал, что их отношениям, как романтическим, так и профессиональным, не суждено продолжаться и, тем более, развиваться. Дело в том, что после военных лет, в обществе появились антиеврейские взгляды и настроения. Конечно же, Петр понимал, что его деятельность на посту первого секретаря скоро будет завершена.

В качестве своего единственного преемника он видел только Екатерину Алексеевну. Они очень много времени проводили на работе, частенько засиживаясь допоздна. Потом, как и полагается, он провожал Катю домой. Иногда она приглашала его домой на чай, но в семье подобным визитам никто не был рад. Матрена Николаевна к гостю была весьма холодна, всем своим настроением и поведением показывая, что он здесь явно не

желанный посетитель. Еще бы! Ведь она сама прожила без супруга вот уже тридцать лет! Ни о каких других мужчинах не могло быть и речи! Видимо, даже «мужской дух» был ей противен.

А четырехлетняя Светочка тоже вовсе не рада была видеть чужого «дядю». Она глядела на него, словно волчонок! Никакие подарки и гостинцы не могли «задобрить» девочку – она все равно не подходила к Петру Богусловскому.

Эти факты были более чем просто весомым аргументом, для того, чтобы в очередной раз убедиться, что открытый союз с Фурцевой и, тем более, брак не мог стать реальностью.

Сама Екатерина Алексеевна, как могла, сглаживала перед гостем не самую приятную домашнюю обстановку. Но, конечно, даже она не могла соперничать по силе влияния на ситуацию с угрюмым взглядом и молчанием Матрены Николаевны.

В сентябре 1947 года страна праздновала 800-летие Москвы. Это событие дало Фурцевой возможность отличиться при подготовке города и его центра к празднику. Важнейшим событием юбилейной столицы стала закладка памятника Юрию Долгорукому на площади перед Моссоветом. А на Ленинских горах заложили основу нового высотного здания университета. Также в то время на стадионе «Динамо» проводился спортивный праздник, собравший на трибуны весь цвет страны. И Екатерине Алексеевне удавалось появляться везде, повсюду и вовремя. Ее потрясающая энергетика, сияющая улыбка, способность все успевать, красота – не остались незамеченными.

И тогда Богуславский убедился, что его предположения оказались верными. В скором времени его отправили на переподготовку. Это означало не что иное, как путевка в резерв, и, скорее всего, безвозвратная. Так Екатерина Алексеевна стала руководителем видного и почетного места – Фрунзенского райкома.

Чтобы доказать свое право быть полноценным руководителем района, Фурцева усвоила многие привычки и манеры мужчин-руководителей. Она научилась избавляться от робости в мужском коллективе, не краснеть от двусмысленных шуточек. Кроме того, она могла с этими самыми мужчинами выпить и, если потребуется, не пренебречь крепкими словечками.

Также, Екатерина Алексеевна всегда догадывалась о той силе, которой обладает красивая женщина. Разумеется, она видела, как на нее реагируют мужчины и нередко этим оружием пользовалась в своих целях. Да ко всему прочему набору качеств можно было смело приплюсовать ответственность, требовательность, работоспособность, собранность и умение всегда выполнять обещания. Она была неповторимой мастерицей массовых

мероприятий. И вовсе не важно, какой вопрос стоял на повестке дня: очищение районного аппарата от выходцев из Северной столицы в разгар мрачного «ленинградского дела», или же пропагандистское обеспечение такого же нелицеприятного процесса, как «дело врачей». Фурцевой неизменно удавалось опережать своих коллег-секретарей.

Фирюбин и сексуальная революция

Когда Фирюбин увидел Екатерину впервые, еще в начале войны, она не произвела на него никакого впечатления. Более того, она скорее не понравилась ему, ведь тогда она была полненькой, круглолицей и простенькой молодой женщиной. Зато Кате Николай Петрович понравился сразу же. Их дальнейшие встречи случались на партактивах, и роман их начался неожиданно, вдруг. Катя была настолько откровенна в своих чувствах, что сразу стала объектом пересудов и сплетен, которые ходили по всей Москве. И, несмотря на то, что работа всегда занимала важное место в ее жизни и отнимала немало времени, Екатерина не забывала и о личной жизни. Их роман чем-то напоминал трагедию «Ромео и Джульетта». Он стал первым большим скандалом, в котором была замешена Катя. Началась череда многочисленных тайных встреч и свиданий.

Николай был невысоким стройным шатеном с породистым, красивым лицом. По словам приближенных людей, Фирюбин «умел и хотел нравиться женщинам». Будучи слегка заносчивым и немного надменным, что придавало ему некоей самоуверенности, он действительно пользовался успехом у противоположного пола. Естественно, мужчины чувствовали в нем соперника и ненавидели его. Николаю было все равно, ведь мысли и осознание собственного превосходства необычайно грели душу и были поводом в очередной раз потешить свое тщеславие. Удивительно было другое – те, кто хорошо знали и его, и Фурцеву, не могли поверить, как могли сойтись столь разные люди. Екатерина и сама не могла точно ответить на этот вопрос! Но ее непонятной и странной силой тянуло к нему, а его – к ней. Это было как две противоположности, которые притянуло друг к другу как магнитом. И сил сопротивляться этому у них не было. Это была настоящая химическая реакция! Причем, необратимая.

Их тайные встречи явились поводом для постоянных домыслов и пересудов. Это были настоящие безрассудные поступки. И все в ЦК партии, начиная от секретарш и заканчивая секретарями ЦК, обсуждали поездки Фурцевой к Фирюбину. Это можно было назвать целой сексуальной революцией, такое поведение было поистине немыслимо. Но, несмотря на свой высокий пост, Екатерина, прежде всего, оставалась женщиной. И ей так хотелось с головой окунуться в омут любви, так хотелось совершать и совершать эти безрассудные поступки, так хотелось любить и быть любимой, что она была готова на все ради сохранения любви. Возможно, именно поэтому она разрешала

себе поведение столь непозволительное для круга, в котором работала. И при каждом удобном случае или когда выдавались свободные дни, она летела к любимому мужчине в Прагу, а потом – в Белград.

И все это происходило на глазах у всех, но она не боялась и не собиралась скрываться. Фирюбину, безусловно, такое внимание высокопоставленной женщины необычайно льстило. И эта игра все больше затягивала обоих. И если Фурцева не собиралась скрывать свои отношения ни от кого, то ее избранник придерживался немного другого мнения.

На тот момент Фирюбин был женат, у него было двое детей, и такой бурный роман грозил ему не самыми хорошими и положительными последствиями, более того, называя вещи своими именами, его ожидали большие неприятности. Несмотря на бурный и страстный роман, сам Николай Павлович на развод долго не решался. И хотя он уехал в Чехословакию без семьи, он не торопился обнадеживать Катю. Его Жена Мария тяжело переживала предательство мужа, а еще больше страдала дочь Фирюбина – Маргарита, к тому времени ставшая уже взрослой девушкой. Ответственность за решение этого вопроса Фурцева взяла на себя. Она лично позвонила дочке Николая Павловича и договорилась с ней о встрече. Рита согласилась и приехала к ней в горком.

Надо сказать, девушка была настроена очень решительно, ведь перед ней стояла женщина, разрушившая их семейное счастье. Но Екатерина Алексеевна повела себя неожиданно:

– Ты только не волнуйся, Риточка, все будет хорошо! – сказала она и направилась в сторону Риты. В это время из ее глаз брызнули слезы. Она подошла к девушке и крепко обняла ее.

Впоследствии у Екатерины, Маргариты, Светланы и даже первой жены Николая – Марии – сложились добрые отношения. Мария смогла философски отнестись к новой любви мужа, не проклинала более молодую и удачливую соперницу, не закатывала сцен мужу и даже первой подала на развод, чтобы спасти политическую карьеру бывшего мужа. За что Екатерина была ей чрезвычайно признательна и благодарна.

Впоследствии именно она помогла бывшей жене своего мужа и его дочери Рите получить новые квартиры, чтобы разъехаться, когда Рита вышла замуж, именно она отправляла Риту отдыхать в разные места, именно она помогла Марии отправиться в Голландию, где к тому времени проживал ее младший сын, женившийся на голландке и вскоре ставший отцом. И сделала это на собственные деньги. А Рита и Света, несмотря на разницу в возрасте в двенадцать лет, дружили, вместе отдыхали и даже

будучи взрослыми, потеряв родителей и овдовев, время от времени созванивались, встречались и даже гостили друг у друга, поддерживая в тяжелые времена. Сейчас Светланы уже нет, а Маргарита проживает в Голландии, недавно ей исполнилось 82 года.

Благословление на брак от «Хозяина Москвы»

На тот момент первым секретарем Московского комитета партии, а попросту говоря словами народа «хозяином Москвы», был Никита Сергеевич Хрущев. Он-то и забрал Фурцеву в Московский комитет. Вокруг этого приглашения крутилась масса слухов, мол, не случайно Никита Сергеевич взялся за бабенку, да еще и такую интересную. А, тем временем, под крышей Московского горкома действительно завязывался роман, но только между двумя его секретарями – Николаем Фирюбиным и Екатериной Фурцевой…

В 1952 году Екатерина Фурцева была приглашена на дачу к Никите Хрущеву. Вместе с ней приехала и дочка – десятилетняя Светлана. На девочке было красивое крепдешиновое платье. Ее красивые волосы были заплетены в тугую в косу. А на голове красовался огромный розовый бант. Этот прием запомнился маленькой Свете на всю жизнь. Ей очень понравился необыкновенно вкусный украинский борщ с пампушками, которым угощал их гостеприимный хозяин. За столом рядом с ним сидела и супруга Хрущева – Нина Петровна. Больше никого из гостей на даче не было.

Никита Сергеевич встречал Екатерину Алексеевну и Свету как родных – даже одет он был по-домашнему, охотно разговаривал, добродушно смотрел, непринужденно рассказывал всевозможные истории и был очень внимателен к Светиной маме – Екатерине Алексеевне, угощал ее коньяком, своим любимым напитком. Светлана оценила его гостеприимность, ей он показался необычайно внимательным и добрым человеком.

Но не только в кулуарах ЦК КПСС, по всей Москве ходили слухи и всякие сплетни о близости Екатерины Фурцевой и первого секретаря МГК КПСС Никиты Хрущева. Еще бы! Ведь Фурцева нередко бывала на даче у Хрущевых. Но вот так, как-то по-родственному, без посторонних людей, да еще и с дочкой – впервые. Это была великолепная возможность, чтобы попросить Хрущева о чем угодно. Во время их прогулки по летнему саду и обсуждения важных дел, Екатерина Фурцева не упустила возможности воспользоваться ситуацией и озвучила Никите Сергеевичу свою небольшую личную просьбу.

А личная просьба имела прямое отношение к ее новому избраннику – Николаю Фирюбину. Фурцева, мечтающая выйти замуж, попросила совета у Никиты Сергеевича, который этот

выбор и одобрил. Вскоре состоялась свадьба. А Фирюбина назначили в Министерство иностранных дел. Спустя некоторое время он стал Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Чехословакии. А через год – в Югославии.

В 1955 году сорокапятилетняя Екатерина Алексеевна и Николай Фирюбин отдыхали в Карловых Варах. Катя сияла, как никогда. В этот период она была по-настоящему счастлива. Казалось, этот брак, словно «омолодил» ее, вернул к жизни. Сам Фирюбин прекрасно выглядел в идеально скроенном и великолепно сидящем на нем костюме. Он постоянно улыбался, смеялся, шутил, а Катя улыбалась ему в ответ, не сводя с возлюбленного восхищенных глаз.

Но безоблачная обстановка семейной жизни Екатерины закончилась, как только они с мужем вернулись домой из свадебного путешествия. Мама, Матрена Николаевна, была в ярости.

– Света, быстро собирай вещи! Мы сейчас же отправляемся на дачу! – скомандовала бабушка, обращаясь к внучке. Эта реакция была столь же мгновенной, стоило молодоженам переступить порог квартиры.

Это было нечто большее, чем просто гнев. Дочь нарушила негласное правило их женского клана. Она привела в дом мужчину, а это было все равно что привести в дом «врага». Матрена Николаевна не любила зятя, даже по прошествии многих лет она продолжала вырезать ножницами его лицо со всех семейных фотографий. И на то были свои причины… А пока… Бабушка воспитывала внучку в строгости, много времени уделяла ее образованию.

Светочке дали блестящее по тем временам образование – и музыка, и английский. Если у Светочки в школе – обычной или музыкальной – было что-то не так, ее на улицу не пускали, не давали мороженого, а два раза за то, что девочка не послушалась, бабушка даже прошлась по ней бельевой веревкой. В общем, держала ребенка в строгости.

Матрена воспитывала внучку, наказывая именно по больным местам, которые очень хорошо знала. Однажды, как Свете потом показалось, в качестве наказания за что-то отправила ее в «Артек». Светочка всегда была домашним ребенком, а там – муштра, военная дисциплина. И никакого удовольствия от отдыха на море она, конечно, не получила…

Говорят, что Матрена была деспотом и по отношению к Кате, но это восприятие со стороны, чужих людей. Как рассказывала Света, на самом деле бабушка была очень добрым человеком. Строгость проявляла только к внучке и то потому, что хотела

вырастить из нее настоящего человека! А с Катей у нее сложились совсем другие отношения. Очень многое в Фурцевой – именно от бабушки. Сильный характер, мощь какая-то, железная логика, абсолютно не женская четкость мысли и способность принимать моментальные решения. И вместе с тем домовитость, мягкость и исключительная женственность.

Начало конца

Матрена и Света остались жить на казенной даче – на улице Грановского они бывали редко. Николай Павлович считал, что Катя «уж чересчур» любит дочь, к тому же его раздражала вечно недовольная теща, которая так и не смогла полюбить нового зятя. Жена Фирюбина на работе была руководителем, но дома муж старался быть главным.

– Катя, соль! – выразительно показывал он глазами на солонку, стоявшую поодаль от него на столе. – И хлеба подай!

И Катя кидалась делать все в угоду любимому мужу. Жесткая женщина на работе, дома она становилась послушной и мягкой как котенок.

Для того, чтобы как-то наладить отношения с дочкой, Катя брала ее с собой в отпуск. Тогда она всецело принадлежала Свете. Иногда они даже спали в одной постели, потому что так много нужно было сказать друг другу, что дня не хватало, и не хотелось разлучаться даже на несколько минут. Света обожала маму и обожала ездить с ней отдыхать.

Излюбленным местом Кати и Светы был санаторий ЦК КПСС в Сочи. Света наизусть знала все эти места, отсчитывая сто пятьдесят ступенек вниз, пока они спускались к морю, девочка задавала маме все свои вопросы. А внизу уже ждали знакомые и друзья. Светлана любила лежать на пляже и слушать, как мама вместе с подругами, говорит о женском, о том, что для фигуры полезно плавать и играть в теннис. Фурцева не стеснялась говорить и о более радикальных мерах – например, о пластике лица.

Никогда в жизни Светлана не видела маминых слез. Екатерина Фурцева отгораживала дочь от всего, и Светлана видела только парадную сторону ее жизни. Совместные поездки в Югославию, Индию, Японию, Англию, Францию выглядели как сказка – мама, красивая, элегантная, рядом с первыми лицами государств, в окружении знаменитостей. Как же это было волшебно и восхитительно!

Но после появления в семье Фирюбина отношения с дочерью у Екатерины Алексеевны вовсе не улучшились. Ей показалось, что Света как-то отдалилась, стала замкнутой. Но Катя не теряла надежды восстановить с дочерью былое единение. Мечтая о мире и согласии в доме, Фурцева решила сделать Свете подарок на зимние каникулы – отправить ее в Белград, в гости к Николаю Фирюбину. И надо сказать, она не ошиблась – Светлана была в восторге. Но не только от поездки за границу и от новых

впечатлений, а от самого отчима. Фирюбин постоянно делал всевозможные презенты и подарки, как падчерице, так и супруге. И той и другой это очень нравилось!

Бывало, он лично записывал предпочтения и пожелания каждой из них, а потом лично снимал мерки. Такая процедура повторялась всякий раз, как только Николая опять куда-то направляли. А дамы с нетерпением ждали очередную бандероль из-за границы.

И как бы ни радовалась Света подаркам Николая Петровича, каковыми бы ни были его старания, погасить антипатию было непросто. Сложнее всего приходилось Екатерине Алексеевне – она попросту разрывалась между своей матерью, дочерью и супругом. Иногда дело и вовсе доходило до абсурда.

Однажды, Екатерина, Николай Петрович и Света проводили выходные на даче. Когда подошло время возвращаться в Москву, дочка Фурцевой устроила скандал – она принципиально не желала находиться в одной машине вместе с Фирюбиным. Пришлось вызывать еще один автомобиль… Благо – она могла себе это позволить.

Екатерина, понимая, что ее муж, по роду своей службы часто месяцами отсутствуя дома, наверняка имел любовниц. С этой мыслью она свыклась и даже находила ему оправдание – мол, мужчина, основной инстинкт, да и для здоровья полезно. И когда в 1957 году Николая Петровича назначили заместителем министра иностранных дел, она очень обрадовалась.

«Неужели мы наконец-то заживем одной семьей, одним домом?» – радовалась она.

Но на самом деле к тому времени их уже мало что объединяло. Когда-то волнующие походы в театр, веселые катания на лыжах и коньках, походы на байдарках и романтические вечера на лодке, теннис – все это осталось там, далеко в прошлом. И хотя Екатерина старалась поддерживать впечатление благополучной семьи и часто бывала с мужем в театрах, а еще чаще – ходила в гости к общим знакомым, муж все чаще старался обойтись без нее. Это было началом конца, хотя, она, возможно, еще не отдавала себе в этом отчета…

Бычьи нервы + оптимизм

Став первым секретарем Фрузенского райкома партии, Екатерина Алексеевна всерьез взялась за себя. Она постоянно что-то изучала, читала, исследовала… Первое время когда зачитывала доклады перед большой и серьезной аудитории, она нередко запиналась и путала слова, неправильно ставила ударения. Тогда она поняла, что человек, двигающийся вверх, желающий развиваться и, тем более, подающий пример другим, не имеет права на такие промахи. Требовательная по отношению к подчиненным, она была не менее требовательная по отношению к себе. Фурцева решила заучивать тексты докладов наизусть. А дома репетировала свои выступления перед зеркалом, словно вернувшись в школьные годы, когда учила роли для выступлений в театральном кружке. Благодаря отличной памяти заучивание текстов не являлось для нее проблемой. Она это делала легко и без особого труда. Отработав свою речь, она получала колоссальную уверенность на выступлениях, которые получались у Фурцевой необычайно эмоциональными и артистическими, ведь текст произносился из головы, а не из бумаги. Неудивительно, что ее слова разительно отличались от речей других функционеров, так как они читали текст, написанный на бумаге, не отрывая от него глаз. Подобное отношение к работе, врожденная харизма, энергичность и способность быстро налаживать контакты и отношения с совершенно разными людьми почти всегда помогали Фурцевой – она редко оставалась незамеченной.

Не был исключением и Георгий Попов, в то время первый секретарь Московского обкома и горкома. Он очень уважал и поддерживал Екатерину Алексеевну.

– Для Вас двери моего кабинета всегда открыты. Всегда готов Вам помочь! – зачастую говорил он ей.

И, конечно же, Фурцева не отказывалась от этой помощи. В 1949 году производилась очередная чистка партийного аппарата. А Екатерину Алексеевну представили самому товарищу Сталину. Эта историческая встреча состоялась за кулисами Большого театра 21 января 1949 года во время партийного концерта на торжественном траурном заседании, которое было посвящено 25-ой годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Вождь высоко оценил Фурцеву, а также ее старания и заслуги. Она была удостоена его комплимента.

Во многом карьере Екатерины Алексеевны помогли крупные перемены в московском руководстве. Особенно, ситуация, когда

Сталин вернул в Москву Никиту Сергеевича Хрущева и поставил во главе столицы. В то время в партийном аппарате женщин продвигали со большущим скрипом. Тогда полагалось, что с руководящей работой могут справиться только крепкие мужчины, не случайно ведь на Пленуме ЦК 18 марта сорок шестого года Сталин выразил свое мнение по этому поводу:

– Нарком должен быть зверем. Николай Константинович, как вы считаете, какими свойствами должен обладать советский нарком? – спросил Иосиф Виссарионович товарища Байбакова, руководителя нефтяной промышленности.

– Качеств – великое множество! Труд, конечно же, вера в светлое и радостное будущее… – начал было перечислять Байбаков.

– Советскому руководителю нужны, прежде всего, бычьи нервы плюс оптимизм! – перебил его вождь.

В январе 1950 года на собрании партийного актива Екатерина Алексеевна зачитывала доклад по постановлению ЦК ВКП «О недостатках в работе товарища Попова, снятого с постов первого секретаря МК и МГК ВКП». Во время своего выступления она совсем нелестно отзывалась о человеке, который когда-то выражал ей свою симпатию и предлагал всяческую помощь. Она буквально обливала его бранными словами, а ведь недавно она называла Георгия Попова «талантливым руководителем и наставником». На Фрунзенской районной партийной конференции был Никита Сергеевич Хрущев. В этом же году он назначил Екатерину Алексеевну вторым секретарем Московского горкома партии. В ее компетенцию входило рассмотрение вопросов науки, культуры, идеологии и административных органов. Теперь она уже была заместителем по руководству партийными организациями Москвы, а Никита Сергеевич являлся ее непосредственным руководителем. Теперь они виделись практически ежедневно. Надо отметить, что Хрущев по-своему восхищался принципами ее работы, ее настойчивостью, самоотверженностью и верой в работу. В этом действительно не приходилось сомневаться, ведь именно при Фурцевой началось строительство Театра им. Моссовета, Театра оперетты, реконструкция Театра им. В. Маяковского, а также строительство и ввод в эксплуатацию новых кинотеатров.

А во время «ленинградского дела», Екатерина Алексеевна «почистила» от ленинградцев крупнейшие вузы Москвы. Из аспирантуры Московского государственного педагогического института быстренько отчислили гражданку Литвинову, являющуюся на тот момент супругой поэта Андрея Вознесенского. А спустя всего лишь два дня после этого события, уволили

директора пединститута, заведующего кафедрой советской литературы и даже заведующего канцелярией, которые как раз таки и принимали в свое время в стены института жену «врага народа». Кроме того, при участии Фурцевой освободили от должности секретаря партбюро института, который принимал партийные взносы у Литвиновой. Самое удивительное, что ему не удалось даже защитить подготовленную к тому моменту диссертацию. А потом наступила череда и других «освобождений» – все сокурсники и просто знакомые Литвиновой также попали в поле «немилости». В итоге, из института ушли еще 11 человек, в том числе преподаватели и аспиранты.

В эту пору Фурцева как никогда чувствовала и ощущала свою мощь и свою власть. Она стала более резкой, теперь она не терпела никаких возражений в принципе. А когда пришло время заняться делом «врачей-убийц», она смогла организовать его пропагандистское обеспечение, а также поручить своим исполнителям проведение митингов, организацию собраний и публикацию гневных откликов трудящихся. Конечно же, она не забывала все контролировать лично. Через два дня после того как сообщения ТАСС об аресте врачей были опубликованы, Фурцева недоброжелательно отозвалась о требованиях трудовых коллективов и доложила Никите Сергеевичу со свойственной ей страстью: «Этих людоедов, потерявших всякий человеческий облик, бросить надо в расплавленный металл…».

Ее указания, какими бы немыслимыми они ни являлись, должны были выполняться молниеносно и беспрекословно. Екатерина Алексеевна, например, «требовала от институтов, расположенных в районе, выполнения социалистических обязательств к определенным датам: к 1 мая изобрести вакцину и полностью ликвидировать рак, к 7 ноября выпустить действенный препарат против туберкулеза. Изучаете детскую корь? Поработайте так, чтобы к следующему бюро райкома кори не было…». Таков уж был ее профессиональный подход!

А с 28 июля по 11 августа 1957 года в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Это было поистине грандиозное событие. В качестве лозунга фестиваля были приняты слова «За мир и дружбу!». До этого момента столице было неведомо настолько широкое и, в общем-то, практически неконтролируемое общение с иностранцами. Начальники всех уровней, которые привыкли жить за железным занавесом, были напуганы масштабами мероприятия и, разумеется, пугали других.

Накануне фестиваля Екатерина Алексеевна предупредила московских чиновников:

– Есть слухи, что завезут инфекционные заболевания.

Поэтому начали проводить прививки. Но уже было четыре случая каких-то уколов, совершенных в магазинах, когда человек стоит в очереди за продуктами, а сзади к нему подходит злоумышленник, в руку делает укол и все – конец празднику… Пострадавшие находятся в больнице. Это делается врагами, чтобы создать панику вместо торжества…

Хозяйка столицы

Когда умер вождь народа Иосиф Сталин, роль первого секретаря ЦК КПСС отошла к Никите Хрущеву. Несмотря на то, что Хрущев был плохо образован, не совсем грамотно писал и читал, у него было одно весьма важное преимущество – хитрость в политике и связи политическом аппарате. Он целиком и полностью последовал словам и наставлениям Сталина, который частенько повторял, что «кадры решают все». И, следовательно, став первым секретарем ЦК КПСС, на основные должности могли претендовать только свои люди.

А глубоко уважаемая и очень значимая должность первого секретаря Московского горкома КПСС отводилась также только своему человеку. 29 марта 1954 года, через год после смерти Сталина, им стала Екатерина Алексеевна Фурцева. Теперь она, как любили говаривать в то время, «хозяйка» Москвы. Ни одной женщине до нее не удавалось возглавлять столь крупную партийную организацию. Теперь в руках Фурцевой был огромнейший город.

Разумеется, тогда-то и поползли слухи о том, что продвижение Екатерины Алексеевны по карьерной лестнице, было не таким уж и случайным. Якобы, между Хрущевым и Фурцевой был роман. Такого мнения придерживались даже некоторые аппаратчики. Ведь далеко не каждый мог поверить в то, что хрупкая и симпатичная женщина сама, своими силами, способностями, умом, характером способна достичь такого пика в политической карьере. Но это действительно так – в первую очередь Екатерина Алексеевна сама добилась всего. Возможно, у нее были какие-то свои покровители, и даже романы с некоторыми из них, более того, ее личная жизнь бурлила, но крайне редко эти отношения влияли на ее карьеру.

Возможно, слухи о романе Хрущева и Фурцевой ходили еще и потому, что Хрущев частенько отправлял Фирюбина на дальние расстояния – в Чехословакию или Югославию. Екатерина Алексеевна не могла ездить с ним в командировки из-за работы. Соответственно, определенный период у них был «гостевой брак» и долгие недели друг без друга. Каждый из супругов занимался решением государственных вопросов и задач.

А у Хрущева была жена, которую он любил и ценил. Но о полноценной семейной жизни приходилось только разве что мечтать. Его супруге не хватало мужа. Она даже жаловалась своей подруге, что Никита Сергеевич не притрагивается к ней уже несколько лет. Вероятно, он сильно уставал на работе, и на

выполнение супружеских обязательств у него просто не хватало сил, и уже не было желания.

И все-таки в отношении Хрущева к Фурцевой не было ничего личного, что бы и кто ни говорил. Постели далеко не всегда была отведена решающая роль в карьерном росте женщины, да и в партийный аппарат, словно специально, отбирали дам не особо симпатичных. Екатерина Алексеевна была в этом смысле, пожалуй, практически единственным исключением. По словам ее коллег мужчин, они в Екатерине Алексеевне «видели, прежде всего, женщину, аккуратную, следящую за собой, изумительно одетую». Она производила на них сильное впечатление, ею все восхищались! И в отличие от Леонида Ильича Брежнева, Хрущев хранил верность жене и с представительницами другого пола устанавливал исключительно деловые и профессиональные отношения. И, надо сказать, снисхождения никому не делал и с женщин спрашивал так же, как и с мужчин.

Несмотря на то, что Екатерина Алексеевна была с головой погружена в работу, выглядела она всегда должным образом. Она была высокого роста и обладала стройным телосложением. Каждый день она находила время для спорта, бега, гимнастики, тенниса. Екатерина одевалась по последней в то время моде и обладала хорошим вкусом в одежде – неслыханным качеством по тем временам. Она консультировалась у своей подруги – художницы Надежды Леже. А Вячеслав Зайцев создавал для Фурцевой некоторые модели одежды. Во время первого крупнейшего приема в Кремле в честь годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1955 года, который был организован Президиумом ЦК КПСС, Екатерина Алексеевна была одета в бальное платье. Тогда она танцевала вальс с Микояном, Ворошиловым и другими известными личностями.

Когда проходил знаменитый XX съезд КПСС, первое выступление по поводу прений относительно доклада Хрущева, было отведено Екатерине Алексеевне. Она выступала уверенно и свободно и в свойственной ей манере она практически не смотрела в написанный текст.

На правление Фурцевой в качестве хозяйки Москвы приходится середина 50-х. Эти годы были временем надежд и возрождения. В это время когда города начали преображать хрущевские пятиэтажки, немного унылые и простые, но поистине спасительные. Появление широких проспектов с нарядными домами и зелеными гирляндами вновь посаженных деревьев облагораживало городские просторы. Нецензурная брань в публичных местах пресекалась, а потому подобные «события» были редки. Фурцева и проделанная ею работа навсегда

запечатлелась в народном творчестве – частушках. А, известно, что частушка, как ничто иное, является индикатором популярности и известности у народа. Вот один из «шедевров» народного творчества времен «хозяйки Москвы»:

«Мат и пьянство на Руси
Истребляют смело,
Только Фурцева взялась
Не за бабье дело».

Тем не менее «бабье дело» запомнили очень многие. Это и чистый город, и размах жилищного строительства, и наступление на «коммуналки».

Уже выросло два поколения людей, для которых слова «холодная война» и «железный занавес» проходили под синонимом «устаревшее». Между тем именно в этот период, в середине 50-х, железный занавес немного приоткрылся, и заграница только-только обретала черты реальности. Начало этому процессу традиционно положили французы, но «согласие» на осуществление и проведение таких международных акций шло непременно от первых лиц. Потому именно с правлением Фурцевой связывают начало «Недель французского кино», когда в Советский Союз приехали уже известнейшие артисты, такие как Жерар Филип, Даниэль Даррье, режиссер Рене Клер. Сейчас очень сложно представить, какое значение это имело для страны, годами скованной льдами «холодной войны». И, стоит отметить, что лед тронулся, и не только в кинотеатрах.

25 февраля 1956 года состоялось важнейшее событие, которое вошло в историю страны и которое в свое время всколыхнуло настроение целой страны. Это доклад Хрущева о культе личности Сталина на закрытом заседании XX съезда партии. Доклад зачитывался на партийных собраниях всех учреждений и предприятий, так как столь решительный поворот взглядов требовал разъяснения для людей, десятилетиями живущих в страхе и под диктатом.

Съезд стал огромным событием и в жизни Екатерины Фурцевой. Он поднял ее до предпоследней ступеньки на вершине партийной иерархии. Теперь она была кандидатом в члены Президиума Центрального Комитета партии, по-старому именовавшимся Политбюро. Именно в этом качестве она вошла на мраморную трибуну Мавзолея, откуда два раза в год, в дни главных праздников страны – 1 мая и 7 ноября, – осуществлялся прием военного парада и демонстрации народного ликования.

Оглушительным следствием и результатом съезда стало последовавшее в скором времени самоубийство писателя

Александра Фадеева, автора знаменитых романов «Разгром» и «Молодая гвардия», руководителя Союза писателей СССР. Это было крушение взглядов, крушение мыслей, ради которых творили, боролись и умирали. Обласканный властью писатель, видимо, пересмотрел свою жизнь и вынес ей неутешительный приговор. Екатерина Алексеевна, в силу своего высокого статуса, находилась в почетном карауле у его гроба в Колонном зале, окруженном длинной очередью пришедших проститься читателей. Даже тщательно профильтрованная кинохроника не смогла скрыть смятения и горечи на ее лице. Может быть, тогда она впервые почувствовала, что даже очень сильные люди такие как Александр Фадеев, могут выяснять свои отношения с режимом столь печальным образом…

А потом последовало время великих перемен. Тогда все кричало, все менялось, все развивалось! Кровавая осень в Венгрии поубавила восторгов Запада насчет послесъездовского «половодья», потому руководство страны начало процесс поисков зарубежного признания.

Благодатным материалом и единственным случаем, когда Фурцева могла возглавлять правительственный выход в Георгиевском зале Кремля, стал Всемирный конгресс женщин. Новый, 1957 год, она встретила там же, в Кремле, вместе с руководством страны и приглашенными туда Симоной Синьоре и Ивом Монтаном, чей приезд после венгерских событий означал, что Запад признал их внутренним делом социалистического лагеря. Деятельность Фурцевой начала все больше выступать на первый план в реальной жизни столицы. Вскоре вошел в строй задуманный ею и построенный под ее личным контролем стадион в Лужниках. Она, как это и полагалось, с правительственной трибуны приветствовала строителей, рукоплещущий стадион. Стоит отметить, что многие из присутствующих знали свою начальницу в лицо, ведь она нередко неизменно нарядная, всегда на каблуках, появлялась среди глиняной массы и прочих материалов огромной, грандиозной стройки. А вскоре к стадиону «приложили» и станцию метро «Спортивная».

В то же время Никита Сергеевич и начал свою «кукурузную» эпопею. Под эту культуру было решено отдать все лучшие земли. По мнению Хрущева, кукуруза должна была стать главной в сельском хозяйстве страны. Да и к тому же на открытии ВДНХ, в 1959 году, он выдвинул весьма лихой лозунг – «Догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока».

С момента смерти Сталина, выдвижения Хрущева, линии оттепели все эти события были причиной некоей разрозненности внутри Политбюро. Не было полного единства. Молотов, вместе с

Кагановичем и Маленковым, которые впоследствии возглавили так называемую «антипартийную группу» имели свое мнение относительно событий того времени: «У нас программы никакой не было, единственное – снять Хрущева, назначить его министром сельского хозяйства. А за стеной шумят. Там Фурцева, председатель КГБ Серов, Игнатов. Собрали членов ЦК. На другой день был Пленум. Фурцева, как секретарь ЦК, она играла роль… Жуков сыграл решающую роль в возведении на пьедестал Хрущева в 1957 году».

Спасение Хрущева

В июне 1957 года администрацию КПСС ожидал крупный внутрипартийный скандал. Тогда Молотов и Маленков внезапно подняли вопрос об отстранении Никиты Хрущева с должности первого секретаря, прервав процесс обсуждения текущих ежедневных вопросов на заседании Президиума ЦК. Хрущева обвинили в игнорировании им Президиума ЦК, а также в выполнении необдуманных, эмоциональных действий, безграмотности в экономической области.

Историческая роль спасительницы Никиты Сергеевича была отведена Фурцевой. И в этом ей помог настоящий абсурд. Дело случая, как говорится! Дело в том, единственная женщина в мужском лагере, которым в то время являлось руководство партии, имела действительно абсурдные проблемы. Проблемой было отсутствие женского туалета. Разумеется, в здании Политбюро была и женская уборная. Но рядом с помещением, где заседало Политбюро, был лишь мужской туалет. Вот и приходилось тогда, особенно во время долгих и продолжительных заседаний бегать туда, как ребятишкам в школе, по очереди. А Екатерине Алексеевне, если уж и было невтерпеж, приходилось бежать далеко по коридорам, совершенно в другой отсек, где как раз и находился женский туалет. А за то время, что человека не было в кабинете, чего только не могло произойти! И, несмотря на это, никому и в голову не приходило, что отсутствие поблизости женской уборной, может быть серьезной проблемой и, тем более, что эту проблему нужно было как-то решать. И именно отсутствие женского туалета сыграло в жизни Фурцевой фантастическую и, пожалуй, решающую роль. Эта роль в один миг превратила ее из рядового члена ЦК партии в могущественного члена Президиума ЦК.

Однажды она присутствовала на узком келейном сборище членов Президиума ЦК. Именно тогда, на этом сборище такие опытные и матерые члены политбюро, как Маленков, Каганович и Молотов обсуждали, как им сдвинуть с должности Хрущева. Фурцева и остальные члены Президиума ЦК заседали в душной комнате рядом с бывшим сталинским кабинетом. Чаша весов клонилась вовсе не в пользу Хрущева, и Екатерина Алексеевна сразу уловила эти настроения и решила воспротивиться этой явной несправедливости. Нужно было действовать!

В ее голове все никак не укладывалось, ну как, как можно затоптать в грязь человека, который расшевелил сталинский муравейник? Разумеется, Фурцева в тот момент не могла

предусмотреть последствия своего поступка. Она просто очень оперативно отреагировала на явную несправедливость. Она считала своим долгом помочь! И сумела! И смогла! В голову как раз пришли «правильные мысли», она поняла, что нужно ей сделать для того, чтобы поддержать Никиту Сергеевича и вот в этот момент Фурцева и «захотела выйти». Это была женская игра и женский прием! Она грамотно рассчитала, что как представительница «слабого» пола, имеет полноценное право хотя бы единожды выйти во время заседания, каким бы важным оно ни было, ведь ей просто необходимо сходить «по надобностям». И мужчины, ее потенциальные противники, как и должно было согласно ее «коварному» плану, клюнули на все, разрешив товарищу Фурцевой покинуть заседание.

– Можно выйти? – прямо, как в школе спросила Катя…

И, как только двери заседания закрылись за Катиной спиной, она со скоростью света помчалась в свой кабинет и стала звонить тем, от кого зависела возможность сорвать готовящийся переворот. Безусловно, подобный телефонный звонок можно было воспринять как провокацию.

В конце концов, любой из тех генералов, кому она звонила, вполне мог предположить, что рядом со звонящей может стоять Маленков или Каганович и слушать, как могущественные генералы собираются их скинуть. Но Катя Фурцева страстно, практически истерично умоляла всесильных генералов приехать на заседание и не допустить, чтобы Никиту Сергеевича свергли с поста Первого секретаря ЦК. И ей это удалось! Она уговорила их! Причем, за считанные минуты. Почти все из тех, кому она позвонила, пообещали, что приедут и поддержат Хрущева – просто тем, что их силовые ведомства не пойдут против него.

Тот же трюк в то время проделал и Брежнев. Он помчался звонить министру обороны маршалу Жукову. А когда он вернулся, к нему подсели поочередно Молотов, Каганович и Первухин, все интересовались, куда это он мотался. На что Брежнев ответил, что у него внезапное расстройство, и он очень долго просидел в уборной.

В итоге, в Кремль приехали Жуков, Игнатов и еще ряд членов ЦК, поддерживающих Хрущева. Заседание Президиума еще не продолжалось. Они вошли и объявили, что таким архиважным делам не годно решаться келейно, что надо все перерешить. Хрущев оказался вдруг поднят и усажен на трон. Это было счастливое время для Фурцевой. И не только в общественной жизни. После того, как «антипартийная группа» была изгнана, в Президиуме ЦК очень многое было не в порядке.

История спасения Хрущева Фурцевой обросла легендами с

привкусом детектива. Свидетельство же Молотова, который являлся непосредственным участником событий, в этом смысле, пожалуй, было наиболее достоверным. Так или иначе, но члены ЦК с мест были созваны Екатериной Алексеевной как по военной тревоге. Генерал Серов и маршал Жуков помогли с самолетами, численный перевес членов ЦК, выступающих за Хрущева, повернул ход Пленума ему навстречу, и в результате Хрущев победил.

А 29 июня 1957 года Фурцева и Жуков стали членами Политбюро, взамен выведенных из его состава Молотова, Кагановича и Маленкова. На юбилей Ленинграда Фурцева приехала уже в свите Хрущева. В открытой машине она ехала по Невскому сквозь ликующий строй встречающих. Теперь она всегда следовала за Никитой Сергеевичем.

Что означало членство в Политбюро в повседневной жизни? Звезда Героя и орден Ленина к юбилейным датам, впрочем, Фурцевой Звезда Героя так и не досталась, лишь орден Ленина. Но теперь она жила под прицелами кинокамер.

Ворошилов, Первухин, Каганович, Сабуров и Булганин поддержали Молотова и Маленкова. За их предложение об отстранении Никиты Сергеевича с должности первого секретаря проголосовало семь голосов против четырех. На что Хрущев сказал: «Я не подчиняюсь этому решению. Меня избрал пленум ЦК. Давайте его созовем». Те же, кто был на стороне Никиты Сергеевича, а именно Жуков, Фурцева, Брежнев, председатель КГБ в то время, Серов, и другие смогли добиться созыва пленума. Члены ЦК были доставлены военными самолетами в столицу. Хрущева не отстранили, а его противников объявили «антипартийной группой».

Никита Хрущев довольно часто принимал важные решения самостоятельно и не считал нужным обсуждать их или советоваться с кем-либо. Он злоупотреблял той властью, которая была полностью дана в его руки. За это в 1960 году Фурцева впервые критиковала Хрущева во время разговора с Аристовым, секретарем ЦК. Он узнал об этом разговоре и был очень зол и недоволен…

Падение с политического олимпа

Всего три года удалось Фурцевой пребывать на вершине политической власти. Но, вдруг Хрущев неожиданно для всех распорядился, чтобы должность секретаря освободили сразу несколько человек. Среди них была и Фурцева. 4 мая 1960 года она заняла пост министра культуры. Екатерине Алексеевне было суждено проработать на этом поприще до конца своих дней. Только на тот момент она об этом даже не догадывалась. Это была очередная массовая чистка высшего эшелона партийного руководства. «Что же явилось причиной этого? Почему Хрущев разогнал своих ближайших помощников? Он же сам меня когда-то подобрал и сам же меня выдвинул!» – недоумевала Екатерина Алексеевна, чрезвычайно удивленная столь внезапным поворотом событий.

XXII съезд КПСС был проведен в октябре 1961 года. Фурцева снова стала членом переизбранного ЦК, но в состав Президиума не вошла и больше не была секретарем ЦК. Она была потрясена! Ведь на протяжении многих лет она так стремительно добивалась вершины политики, а теперь просто упала вниз. Она не могла смириться со случившимся. Когда заседание закончилось, Екатерина пришла в свою квартиру и пыталась покончить собой. Она вскрыла себе вены. Хоть и с большой потерей крови, ее спасли.

После Екатерина Алексеевна не пришла на последнее заседание съезда, возможно, таким образом, она выразила этим свой протест. Хрущев был вне себя от злости. На Президиуме ЦК у нее потребовали объяснений. Фурцева послушалась. От волнения и слез она еле говорила. Тогда же вызвали и ее мужа Фирюбина, заместителя министра иностранных дел, избранного на этом съезде кандидатом в члены ЦК. Оказалось, он тоже не присутствовал на заключительном заседании съезда. Никита Сергеевич крепко ругал и его.

– Как партийный работник в прошлом, как муж, вы должны были проявить волю, ум, инициативу и не только сами явиться на съезд, но и предотвратить позорные действия жены! – отрезал Хрущев.

В ответ Фирюбин только извинялся и каялся…

Но, несмотря на то, что должность Фурцевой стала ниже, чем была раньше, пост министра культуры оставил большой след и имел важное значение во всей ее карьере. Она занимала эту должность дольше всех остальных – 14 лет, и для многих она запомнилась именно как министр культуры. В СССР было много

других министров культуры, таких как Михайлов, Александров, Демичев, но люди почему-то запомнили не их, а именно Екатерину Алексеевну Фурцеву.

Приступив к новой работе, Екатерина Алексеевна не особенно разбиралась в искусстве и культуре, не говоря уже о тонкостях в этой области. Но она уважала мнения и рекомендации специалистов и профессионалов, всегда прислушивалась и, где надо, применяла их советы. К примеру, с помощью пианиста Эмиля Гилельса Фурцева постаралась, чтобы американский пианист Ван Клиберн получил первую премию в Международном музыкальном конкурсе имени Чайковского. Кроме того, она повлияла с помощью кинорежиссера Григория Чухрая, чтобы Федерико Феллини получил Большой приз в Международном кинофестивале в Москве за фильм «Восемь с половиной». Но были и другие влиятельные люди, так называемые «патриоты», утверждающие, что, если конкурс или фестиваль проходил в Москве, то победителем должен был быть только участник из Советского Союза.

Екатерина Алексеевна принесла много пользы стране, работая министром культуры. Предшественником Фурцевой являлся Николай Михайлов. Он был министром культуры и одновременно много лет руководил комсомолом. Но его политическая карьера резко завершилась, и он был отправлен послом в Индонезию. И это не смотря на то, что он еще совсем недавно занимал высокий пост, как и Екатерина. Еще недавно Михайлова благодарил сам Сталин. Но все рассыпалось в прах в одночасье. Первый секретарь Московского обкома, секретарь ЦК Николай Михайлов отправился в другую далекую страну, в общем-то, никем. А Екатерина Алексеевна прекрасно понимала, что перевод в Министерство культуры – это не просто удар, это самая настоящая опала.

Но что могло послужить причиной такой всеобъемлющей чистки высшего партийного руководства? Почему Хрущев вдруг в один день решил разогнать своих ближайших соратников? Так тщательно выбранные им за годы работы и выдвинутые им же в высший эшелон люди оказались не в почете… Может быть, такой шаг соответствовал его определенным личным соображениям? Может, и не было никакой опалы? Так, сын Никиты Сергеевича вспоминал:

– О Фурцевой отец дома ничего не говорил. Он, скорее всего, ее по-человечески жалел, называя ее «баба – дура». Но политика жалости не приемлет!

Но, все-таки даже сейчас, по прошествии огромного количества времени, невозможно дать однозначный ответ на этот

вопрос. Однако считается, что чекисты пользовались своими возможностями и записывали разговоры секретарей ЦК, которые велись в комнатах отдыха, за распитием крепких алкогольных напитков в те моменты когда секретари ЦК расслаблялись и превращались в обычных людей. И, несмотря на то, что ничего ужасного по своей сути они не говорили, а только лишь позволяли себе несколько критиковать поведение Никиты Сергеевича, даже за такие невинные речи расплата настала. Ведь многие прекрасно знали о прослушке и боялись ее. Но и этого, видимо, было достаточно для массовой чистки.

Тогда был так называемый второй отдел, который находился в составе оперативно-технического управления КГБ. Он занимался прослушиванием нужных телефонов и помещений. Контролеры второго отдела, кстати, в основном женщины, были отлично обучены, владели машинописью и стенографией. Их учили безошибочно распознавать голоса прослушиваемых людей.

И, разумеется, самым опасным было некорректно отозваться о первом секретаре. Это всегда приводило к увольнению или к еще более страшным мерам. Записи прямиком попадали на стол председателя Комитета госбезопасности. Он лично их прослушивал и мог самостоятельно принимать решение относительно судьбы «бесстрашного» критика, или же, если речь шла об очень высокопоставленном человеке, ехал сразу в Кремль. Официальные бумаги, в том числе и из КГБ, поступали в ЦК через общий отдел. Деликатные материалы, ведь говорили в комнатах отдыха о разном, председатель Комитета госбезопасности докладывал первому секретарю, естественно, без свидетелей.

Чиновники старались никогда не разговаривать на важные темы в помещениях, в кабинетах, на квартирах, дачах и уж, тем более, опасались пользоваться телефонами, особенно служебными – все беседы проходили только на улице. Рисковать так глупо было нельзя. Но были и те, кто все равно попадался.

И конечно был целый список чиновников, чьи телефоны подлежали обязательному «оперативному техническому контролю». Но для того чтобы подключится к телефонам высокопоставленных аппаратчиков нужно было особое распоряжение. Так, однажды, переведенный в МВД один из партийных работников, в первый же день своей работы понял, что прослушивают все его телефоны. Профессиональный слух опытного специалиста мгновенно определил, что его телефон поставлен на прослушку – уловить еле слышное пощелкивание в трубке было почти невозможно, и только знающий человек это сразу понял. Он набрал номер начальника Третьего главного управления КГБ:

– С какой стати меня прослушивают? Я не включен в этот список…

– Да, ладно, просто привычка! Снимем мы с тебя прослушку, конечно, – натянуто засмеялся начальник Третьего главка.

И действительно сняли, а заодно убрали еще три жучка, которые были установлены в кабинете.

Те, кто работал в КГБ, всегда утверждали, что им запрещено прослушивать телефоны и записывать разговоры сотрудников партийного аппарата. Но про эти ограничения легко забывали и обходили, когда, например, нужно было подслушать тех, с кем вели беседу сотрудники парторганов. Чиновники все знали о прослушке и были очень осторожны. Но они и не догадывались, что у правящей верхушки руки гораздо длиннее, чем они думали, и их прослушивают не только на рабочих местах.

На территории известного и сохранившегося до сих пор санатория «Барвиха» был построен корпус специально для членов президиума ЦК. И всех, кто там работал и обслуживал высокопоставленных гостей, просто обязывали докладывать сотрудникам КГБ абсолютно все. Обслуга была глазами и ушами КГБ, и все, что удавалось услышать и увидеть, от того как себя вел член президиума на отдыхе, с кем встречался, до того, кому и что он говорил. То же самое касалось и личной охраны членов политбюро – она как бы присматривала за ними. А начальник так называемого девятого управления полностью информировал председателя КГБ о поведении и разговорах руководителей партии и страны на работе и вне ее пределов.

Хотя конечно удивителен был тот факт, что секретари ЦК с большим политическим опытом и знанием механизма работы той структуры, в которой они работали, оказывались подчас очень наивными. Неужели они не предполагали, что их все равно прослушивают? Но, возможно, по глупости считали, что они настолько много сделали всего для Хрущева, и что его благодарность будет пожизненной?

Есть и еще одно объяснение произошедшей чистке. Секретарей ЦК с их Олимпа сверг Фрол Козлов, избавлявшийся радикально от соперников. Тот самый Козлов, сын которого женился на дочери Фурцевой. Он мог убедить Хрущева в том, что существует некая опасная «группа Игнатова», в которую, якобы, входили Аристов и Фурцева. Конечно, Фрол с Екатериной стали родственниками, женив детей, но борьба за власть никогда не терпела каких-либо родственных чувств.

«Я поддержал это предложение, – рассказывал партийный деятель Анастас Микоян, – хотя мне было жаль Фурцеву. Но невозможно было ее отделить: она была целиком с ними. Да и

Аристов был неподходящий человек с большими претензиями».

Но все-таки более вероятно, что смена кадров – только единоличное решение Хрущева. Никита Сергеевич никогда не полагался на чужое мнение. И человеком он был увлекающимся. Тот из работников, кто ему нравился, мог подняться на большую высоту по карьерной лестнице, но, если приходило быстрое разочарование, также легко этот человек летел по этой лестнице вниз, а на его месте появлялся новый любимец. Хрущев часто менял работников еще и потому, что они не оправдывали возложенных на них надежд…

Больше года вплоть до XXII съезда партии, Екатерина Фурцева все еще оставалась членом президиума ЦК.

«Надеюсь, что то положение, в котором приходится находиться, будет недолгим, что Хрущев все-таки передумает и вернет меня обратно на партийную работу. Ну, или хотя бы сохранит мое партийное звание. Тогда министерского поста можно не бояться и не стесняться. Главное – это участие в заседаниях президиума ЦК, где решаются все важные вопросы. Это всегда определяет статус и положение чиновника!» – думала Катя, не теряя надежды и оптимизма вернуться на былые высоты.

XXII съезд партии

И вот, в недавно возведенном кремлевском дворце съездов собирались делегаты XXII съезда. На том съезде была озвучена программа построения коммунизма за двадцать лет и решено вынести тело Сталина из Мавзолея.

На таких съездах никогда прежде не выступал министр культуры. Но на том съезде Фурцевой предоставили слово. Такая возможность выступить вселяла в Екатерину, конечно, некоторые надежды… «Вернуться назад в ЦК» – мечтала она. Фурцева дала свою оценку новой программы партии, посчитав ее коммунистическим манифестом современной эпохи, который обязательно станет реальностью:

– Грандиозных побед добился советский народ. Строительство коммунизма идет полным ходом. Руководство родной партии немыслимо без ее Центрального комитета во главе с верным ленинцем, сильным и беззаветным партийным воином Никитой Сергеевичем Хрущевым… Партия предстала перед всем миром как партия новаторов, революционеров, смелых коммунистов-ленинцев…

Фурцева полностью отчиталась по вверенному ей ведомству, рассказала о появлении новых кинофильмов, спектаклей, отметила, сколько открыто в стране новых клубов, дворцов и домов культуры, библиотек и киностудий. Подвергла острой критике сценаристов, писателей, драматургов, художников, кинорежиссеров, композиторов:

– Как можно объяснить тот факт, что у нас еще много посредственных и очень слабых произведений? Конечно, причин на то много. Но главное – это слишком слабая связь художников с жизнью нашего народа и их попытки познавать жизнь слишком далеки от реальности…

Далее Екатерина приводила важные примеры и данные, которые точно подтверждали ее слова. Она призывала к тому, что нужно серьезнее задуматься над тем, что творческая интеллигенция находилась ближе к тем местам, где создаются настоящие материальные ценности. Фурцева говорила, что из более чем 5000 писателей около 4000 живут в столицах союзных республик. В РСФСР, из 2700 писателей 1700 живут в Москве и Ленинграде… То же самое с художниками и композиторами. Она считала, что молодым, амбициозным и творческим людям необходимо последовать примеру молодежи, которая направлялась из центров страны на стройки коммунизма, на освоение целины – туда, где проходила настоящая жизнь!

Но тут Екатерине пришлось очень четко и ясно осознать, чем отличалось ее нынешнее положение от положения секретаря ЦК. Эх! Если бы она была все еще там… И ее рабочий кабинет по-прежнему был на Старой площади, делегаты приняли бы ее слова как нечто важное, как то, что не подлежит сомнению и уж тем более – обсуждению, и только повторяли бы: «Как правильно заметила товарищ Фурцева…». Но на Екатерину Алексеевну немедленно посыпались возражения с трибун. Первым бросился в спор главный редактор журнала «Октябрь» Всеволод Кочетов, уважаемый и почитаемый человек, автор произведений на рабочую тему:

– Знаете, я согласен, что рядом с отличными произведениями кино и литературы может находиться немало и дряни. И я также, совершенно согласен с вами, Екатерина Алексеевна, что конечно происходит это от незнания сегодняшней настоящей жизни народа нашими литераторами и сценаристами. Но я также не думаю, что это незнание вызвано только лишь местом проживания. Неважно, где живут авторы плохих произведений – в Москве или в столицах союзных республик. Важно то, чем писатель живет, что его волнует, чем он увлечен, о чем его мысли, чему отдано его сердце!

Фурцева опять получила врагов, заявив об идее переселения деятелей искусства ближе к народной жизни. Ведь перебраться из столицы назад в деревню или рабочий поселок было для многих шагом назад и самые приближенные к начальству писатели естественно этого не хотели. Часто служение власти этих людей было ограниченно именно возможностью быстрого переселения в столицу, а в дальнейшем и возможностью получить квартиру и дачу. Разумеется, при таком раскладе они совершенно не желали, чтобы такая идея и призыв Фурцевой получила развитие.

В тот день на съезде Екатерине досталось от самого Михаила Александровича Шолохова. Он как будто вроде и поддержал ее идею быть ближе к деятелям искусства и народу, поскольку сам так и не пожелал обосноваться в столице. Он предпочел остаться в станице Вешенской. Но его выступление было таким обидным и унизительным!

– Наш министр с чисто женской вежливостью говорила о том, что, дескать, неплохо было бы обратиться к молодым художникам с призывом поехать по примеру нашей настоящей молодежи на стройки коммунизма. А вы спросите ее, она сама-то верит в то, что на такой призыв горячо откликнутся? Ей-ей, не верит! – начал свою речь Шолохов. После этой фразы раздались аплодисменты и кое-где даже смешки. – Молодым творцам «непреходящих ценностей» тоже хочется вкусить от плодов славы. Вот и прут в

Москву, как правоверные в Мекку. Лично я давно уже отказался от мысли передвинуть писателей поближе к тем, о ком они пишут. Безнадежное это дело! И пусть на этом благородном поприще наживает шишки товарищ Фурцева, а с меня хватит!

Опять аплодисменты…

Когда Михаил Александрович закончил, его речь вызвала бурю эмоций, в зале начали смеяться и громко хлопать в ладоши. Да что уж говорить, юмор Шолохова нередко был очень злым и жестоким. Но, наверное, утомленные долгим съездом делегаты были ему благодарны за такую разрядку атмосферы казенных речей.

Получается что, выступая, Шолохов открыто издевался над Екатериной Алексеевной, и она это прекрасно понимала. Ведь это секретарь ЦК был персоной неприкасаемой, а министра культуры можно было поносить сколько угодно. Шолохов как талантливый писатель умел начинать свое выступление так, что издевку и не сразу-то замечали. Хотя говорил он иронично и даже насмешливо:

– Прежде всего, отмечу, что мы и мечтать-то не могли о таком министре типа товарища Фурцевой. И вот такой министр у нас есть.

В эти минуты сказанные писателем слова делегаты принимали за чистосердечное признание и, как и полагается, громко аплодировали. Но Шолохов продолжал издеваться, рассказывая о том, что и «Екатерина Алексеевна и дело свое знает и любит, и внешность красивая, и умеет быть обходительной с деятелями культуры. И сейчас все видят, что у нее открываются новые таланты… И все просто в восхищении и удивлении от нее такой умницы и красавицы. Всем она взяла!».

Но дальше Михаил Шолохов сменил тон и напустился на Фурцеву за низкое качество поставленных театрами пьес.

– Я не министр и начисто лишен дипломатических способностей, а потому мне и хочется запросто, без умолчаний поговорить с Екатериной Алексеевной. Ну, хорошо, вы сказали, что из 1114 советских пьес, поставленных в театрах страны, 780 посвящены современной теме. Вы и проценты подсчитали, мол, более семидесяти процентов. Вот мне и хочется спросить: а сколько процентов из этих семидесяти останется на театральных подмостках? И второй вопрос: а сколько запомнятся зрителями? За творческое бессилие драматургов приходится расплачиваться бедным зрителям. Вот в чем беда! Лукавая вещь – ваши цифры и проценты, товарищ Фурцева, того и гляди подведут. Лучше уж им, этим цифрам, жить где-нибудь в Центральном статистическом управлении, там им будет уютнее, нежели в искусстве, – не уставал приводить факты беспощадный Шолохов.

И снова зал со смехом и овациями воспринял жесткую речь

Михаила Александровича.

Но почему он так поступил?

Может быть, из-за сложных отношений с партийным руководством, которые и толкали Шолохова на весьма агрессивные выпады. Возможно, ему казалось, что его талант недооценен. Возможно он, считал, что Фурцева его чем-то обидела, вот и сорвался на нее как на министра культуры. Хотя стоит заметить, что власть этому писателю неизменно благоволила.

В конце лета 1959 года Хрущев приехал к Шолохову домой в станицу Вешенскую. Из «Правды» тут же позвонили Твардовскому с просьбой о написании статьи о Михаиле Шолохове.

Твардовский откровенно ответил, что он охотно бы написал статью о Шолохове, но такую, что никто не напечатает. И поинтересовался:

– Вы же, наверное, хвалить его хотите?

Ответ работников «Правды» был утвердительным. Твардовский отказался. Он не хотел писать про то, что не соответствовало его мнению. Он считал, что такая хвалебная статья не пойдет на пользу ни самому Шолохову, ни престижу «Правды».

Но что касается Шолохова, то у него были сложные отношения и с самим собой. Возможно, это тоже повлияло на его тогдашние слова на съезде.

– Это произошло в Ленинграде, – рассказывала народная артистка СССР Элина Быстрицкая, блистательно сыгравшая Аксинью в фильме «Тихий Дон». – Я снималась, а у них был симпозиум писателей. И я узнала, что там Шолохов. Он сказал: приходи. У него был трехкомнатный номер в гостинице. И через всю анфиладу комнат стояли столы. И вчерашние гости полупьяные, и какие-то остатки еды, запах перегара, полный кошмар. У Шолохова вот такие набрякшие глаза, я поняла, что он пьян. Но, вместо того чтобы повернуться и уйти, я сказала: Михаил Александрович, как вы можете, что вы делаете с писателем Шолоховым?! А он: «Замолчи, ты думаешь, я не знаю, что я выше «Тихого Дона» ничего не написал?…» Видимо это была его сильная боль.

Но Фурцева тогда и не знала, что обидная речь Шолохова на съезде была лишь малой долей неприятностей, ожидавших ее.

Вечером 30 октября 1961 года бывших секретарей ЦК – Игнатова, Аристова, Фурцеву, Мухитдинова – избрали в состав Центрального комитета вновь. Об этом объявили на съезде. Но 31 октября был созван первый пленум нового созыва. И в составе президиума ЦК их уже не включили. Но министром культуры ее

все же оставили…

Самое страшное в жизни – это предательство

Это был удар… Падение… Сначала испытание публичным унижением, а потом новость о том, что она не включена в состав президиума ЦК… Екатерина Алексеевна была раздавлена…

Позже Игнатов стал одним из самых активных организаторов, которые сместили Хрущева. А остальные – Нуритдин, Мухитдинов, Екатерина Фурцева и ее муж Николай Фирюбин – решили протестовать и не пришли на вечернее заседание съезда. По тем временам это была шоковая ситуация, невиданная демонстрация протеста! Так мало кто мог поступить – ведь это был открытый вызов самому Хрущеву и всему партийному руководству.

Правда, Мухитдинов был более опытным и, сославшись на самочувствие, вызвал врача: мол, у него сильные головные боли и прописан строгий постельный режим.

А вот Екатерина переживала это по-иному. А тут еще после пленума, в первые дни ноября 1961 года, особняк Фурцевой навестил офицер госбезопасности, который отключил телефоны правительственной связи. Простому министру все это было не положено. Затем появился сотрудник Управления делами ЦК, который весьма неделикатно попросил освободить дачу: она понадобится кому-то из новых членов президиума. Не выдержав, Фурцева пыталась уйти из жизни.

Как? Почему? Немой вопрос застыл в ее глазах. Екатерина не могла понять, что происходит! Ведь она когда-то спасала Хрущева! Она сама… Благодаря ее звонку тогда он сейчас находился у штурвала власти. Да, она построила дачу, но тогда это была не редкость, многие высокопоставленные люди имели шикарные дома. Почему именно она? И, к слову сказать, этот дом она встроила не для себя, а для своей любимой дочери и зятя. Светлана и ее муж очень хотели иметь дачу. Фурцевой строить ее совсем не хотелось, она, как чувствовала, что это обернется чем-то очень не хорошим. Но разве могла она отказать единственной дочери? И материнское сердце дрогнуло – Фурцева поддалась на уговоры дочери. Она решила обратиться в Большой театр – там можно было за копейки купить строительные материалы. Замдиректора Большого театра по строительству помог ей, а потом случилось то, что случилось. И к слову сказать, не была она такой шикарной, как расписали ее Хрущеву. Но разве это можно было доказать? Те, кто хотел ее оклеветать, добились того,

чего хотели.

Пережить такое унижение в присутствии своих подчиненных… Сгорая от стыда и обиды, Фурцева приехала на свою дачу. Велев никому не беспокоить ее, она наполнила ванну водой… Долго сидела и думала-думала-думала. Она столько сделала для города и страны, отдавала себя полностью карьере и политике. Спала по несколько часов в сутки, переживала за Никиту Сергеевича… Слезы застилали ее глаза, но рука не дрогнула, а пальцы сжали острою бритву… Один, два… три раза она полоснула ею по венам, боль и через долю секунды кровь брызнула и окрасила белые бортики ванны в красный цвет. Екатерина еще несколько минут смотрела на руки, а потом безвольно опустила их в воду. Тишина.

Но в тот день рядом оказалась верная домработница, которая заподозрила неладное и, ворвавшись в ванную, успела вызвать врачей. Фурцеву спасли. Спали тело, но не раненую душу… Никто не ожидал такого поворота событий. Такой реакции Екатерины. Ее образ твердокаменного коммуниста с железным характером, настолько утвердился в умах коллег, что никто не мог и подумать что Фурцева еще и обыкновенная женщина. Это потрясло всех. Может быть, в чем-то и разжалобило, но и доказало, что Фурцева не могла порочить честь коммунистов. И в день 50-летия Екатерины, в декабре 60-го года, Хрущев, Брежнев и Микоян приехали на дачу к именинице, чтобы поздравить ее с юбилеем.

Хотя, возможно, она и не собиралась расставаться с жизнью, а просто по-женски пыталась таким образом привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие, но ее поступок произвел противоположный эффект. И готовых сочувствовать Фурцевой оказалось мало.

После попытки самоубийства, ее осудили партийные круги, они ругали ее за отсутствие партийной выдержки. Фурцева очень страшилась первой публичной встречи с деятелями культуры. Но вот наступил день, когда ей пришлось появиться перед этими гнилыми интеллигентами. С трепетом вышла она из-за кулис и направилась к трибуне. И – о, Боже! что это? – зал встретил ее овацией! Эти гнилые, подозрительные, эти, среди которых много беспартийных и даже евреев, вдруг сочли нужным показать, что поддерживают ее! Нет, оказывается, они понимают нечто такое, в чем человек отчаянно нуждается в трудную минуту.

С тех пор и началось ее понимание. Нет, не искусства… Пришло понимание, и главное – доверие к тем, кто способен творить искусство.

Хрущеву, естественно, доложили, что трое членов ЦК

устроили протест и посмели не явиться на съезд. Сказать, что Никита Сергеевич был вне себя, – это не сказать ничего. Он требовал от президиума немедленно «обсудить поступок, совершенный товарищами Фурцевой, Мухитдиновым и Фирюбиным». Но из-за произошедшего обсуждение пришлось отложить, чтобы Екатерина смогла прийти в себя.

А в начале марта 1962 года в Кремле в полном составе президиума проходило разбирательство по этому делу. Всех троих обвиняемых обязали явиться к девяти часам утра в Кремль на заседание.

Фурцева сожалела о своем поступке и просто умоляла товарищей поверить, что она болела, и ей было очень плохо. Ее муж Николай Фирюбин признал полностью свою вину, но сказал, что по другому он потупить не мог! Но Суслов и Козлов были непреклонны и подготовили проект решения о выводе Фурцевой и Мухитдинова из состава ЦК КПСС. Козлову не терпелось побыстрее избавится от своей родственницы Фурцевой, которая повела себя так малодушно… Но время здесь сыграло в чем-то на руку Фурцевой. Хрущев остыл и повел себя снисходительно. Он «экзекуций не любил», а Фурцеву к тому же попросту жалел.

Однажды, Хрущев в своем выступлении сказал, что считает поступок Фурцевой сложным. И что он скорее сочувствует ей. Также он отметил, что прекрасно понимает ее огорчение, когда на съезде так случилось, что ее не избрали в президиум, но «люди-то не поняли ее и оценили ситуацию как протест против партии». Конечно, у Хрущева не было никаких претензий к работе Екатерины. Он ценил, что в особо острых вопросах она всегда держалась. А вот характер Фурцевой он считал неважным и не раз говорил ей: «То вы с Жуковым, то с Булганиным, то с Молотовым». «Но поступок все равно нехороший…» – в итоге констатировал факт Никита Сергеевич.

Чистосердечное раскаяние Екатерины Хрущевым было принято, и в решении было велено записать: «отсутствовала вследствие заболевания».

Дочка, Светлана, о намерении матери покончить с собой, вскрыв себе вены, узнала последней. Когда угроза уже миновала, девушка сидела у маминой кровати в больничной палате.

– Доченька! – сказала Екатерина Алексеевна, взяв ее за руку, – самое страшное в жизни не смерть и не болезнь. Самое страшное в жизни – это предательство!

Говоря эти слова, она так и не поняла до конца, почему Хрущев поступил с ней именно так? Ведь когда-то она рисковала всем ради него! Неужели, все просто…

Что и говорить, Екатерина Алексеевна крайне болезненно

воспринимала утрату атрибутов прежней жизни. Но больше всего она переживала, когда представляла себе радость и злорадство окружающих ее людей по поводу ее падения. Насчет нравов в политической верхушке она, разумеется, не ошибалась.

Но что все-таки на самом деле заставляло совершать самоубийства таких крупнейших политиков уровня Фурцевой? Как-то все это не сходилось с обликом этой женщины, решительной, жесткой, способной преодолевать любые препятствия на своем пути. Как правило, такие люди способны устоять при любых стрессах и жизненных испытаниях. Но иногда в силу вступают и другие факторы. Вряд ли другой человек способен понять, что же действительно стало последней каплей для Екатерины…

Министр культуры

Министром культуры Екатерина проработала долгие 14 лет. И здесь она зарекомендовала себя очень хорошо. Она любила работать и старалась на любом посту трудиться в полную силу. Ни один министр культуры СССР ни до нее, ни после не оставил такого заметного следа в истории страны. Так, например, именно благодаря ее любви к искусству и ее же стараниям расцвел Международный кинофестиваль в Москве, а также появился престижный конкурс – классической музыки имени П. И. Чайковского.

1960 год начинался счастливо. В составе высокой правительственной делегации вместе с Ворошиловым и Козловым Фурцева облетела всю Индию и Непал. В отличие от обычных людей, которых не выпускали за рубеж с членами семьи, чтобы не дай Бог они там не остались, члены Политбюро могли ездить с семьями. Фурцева взяла с собой 17-летнюю дочь Светлану, в которой супруги Козловы тогда и рассмотрели будущую невестку.

Побывав в Индии на выставке Святослава Рериха, Екатерина Алексеевна пригласила художника в Советский Союз с первой выставкой. Вообще, советские люди многое смогли увидеть впервые благодаря ее таланту общения.

Со стороны могло показаться, что работа министра культуры – это нескончаемый праздник. Ведь он предполагал движение «звезд» по земным орбитам. Если в СССР приезжал Ван Клиберн, то к ним от СССР Игорь Моисеев, чей ансамбль приносил валюту в «закрома» родины.

Но вряд ли кто знал, какой это был механизм! Он должен был работать без сбоев, для того чтобы организовать эти гастроли или же вывести на ступени Большого его хор и оркестр перед сотнями и тысячами зрителей. Сколько средств требовалось вложить, чтобы самодеятельность могла соперничать с профессионализмом, чтобы кино оставалось по доходности второй (разумеется, после водки) статьей в бюджете, чтобы мог родиться молодой театр «Современник». Новый министр вошла в эту среду как нагретый нож в масло и сразу стала «своей». С ней можно было и дружить, и отчаянно ссориться. Она была настоящей!

А еще ей необычайно повезло с временем. Полет Юрия Гагарина в космос 12 апреля 1961 года вывел Советский Союз на первые полосы газет в мире. Счастливое начало 60-х! В те весенние дни казалось, что так будет всегда. На Каннский фестиваль Фурцева приехала вместе с режиссером Юлией

Солнцевой представлять «Повесть пламенных лет». В ореоле полета Гагарина советская делегация была обречена на успех самого престижного из престижных фестивалей.

Именно там она познакомилась, а потом и вовсе подружилась с Надей Леже, вдовой художника Фернана Леже. Именно их общение во многом и смогло определить культурные связи всех министерских лет Фурцевой. Надя ввела Екатерину Алексеевну и в круг французской интеллигенции, и французской компартии, что тогда было одно и то же. Луи Арагон и Пабло Пикассо, Морис Торез и многие другие известные и значимые лица теперь были в ее расположении. Но, пожалуй, главное – это мир французских художников, в который окунула ее Надя. Лазурный берег открывался для Фурцевой прохладой музеев и керамических мастерских. Ее дочь Светлана, которая сопровождала ее в поездке, была счастлива, вся эта обстановка ее необычайно радовала и поражала. Также она видела, как тянулась к Франции ее мама: «Ее впечатления нельзя ни с чем сравнить. Она влюбилась во Францию и смеялась, что просто не может отступить от русской традиции – поклоняться всему французскому. Надя подсказала ей, где одеваться. У мамы теперь появились вещи от «Ланвена» и «Диора», да и духи «Арпеж» очень ей подходили.

Она сделала себя сама: одевалась в Париже, занималась теннисом, а в 1965 году решилась на пластическую операцию. После операции в Москве, она тут же улетела в отпуск в Сочи. Вернулась загорелая, помолодевшая, и никто ничего даже не заподозрил. Вращаясь среди звезд мирового кино, постоянно находясь на виду, бывая на приемах у королей и королев, Фурцева вела себя очень естественно. Она смело фотографировалась с кинодивами, не боясь, что будет выглядеть хуже, чем они.

Культурная жизнь страны под руководством Фурцевой действительно преобразилась. Екатерина Алексеевна очень любила кино и, познакомившись в Париже с французским искусством, влюбилась и в сам город, и в его обитателей.

А когда в Москве начались недели французского и итальянского кино, изголодавшаяся по премьерам публика ломилась в кинотеатры. Стало хорошим тоном разбираться в искусстве западного кино. На гастроли приезжал знаменитый миланский оперный театр Ла Скала, а в Москве открывались выставки французских импрессионистов. По инициативе Фурцевой в эти годы были построены новые здания балетного училища, новый МХАТ, Цирк на проспекте Вернадского. Екатерина стала «мамой» таких театров, как Детский

музыкальный театр под управлением Наталии Сац и Театра на Таганке под руководством Юрия Любимова. Они появились только благодаря Фурцевой. Пожалуй, этот период был самым счастливым в ее жизни.

Она была чуть ли не единственным человеком в руководстве страны, искренне заинтересованным в культурном обмене с другими государствами, в том, чтобы отечественные мастера выезжали на гастроли за границу, а в Советский Союз могли приезжать иностранные певцы, музыканты, артисты, художники а также привозить выставки из лучших мировых музеев.

Зарубежные гастроли были необычайно выгодны для государства, ведь артисты и другие выдающиеся талантливые люди после возвращения домой сдавали в казну большие суммы в валюте. Поэтому министерству культуры хотя бы из ведомственных соображений приходилось быть сторонником гастролей. Но, как и полагается, партийный аппарат и система госбезопасности были убеждены, что лучше никого и никуда не выпускать. Возможность посещать другие страны имели только «достойные». Видимо, они имели в виду самих себя…

Но Екатерина Алексеевна Фурцева с удовольствием продолжала открывать для себя мир. Даже для секретаря ЦК поездка была редкостью. А Министр культуры же обязана была путешествовать по миру в силу прямых профессиональных обязанностей. Немудрено, что за границей женщина-министр особенно вызывала большой интерес.

И, несмотря на всевозможные чистки политического аппарата и другие перестановки в кадрах, в руках министра культуры все-таки была немалая власть. Но каждое принятое решение могло таить в себе угрозу для карьеры не только Екатерины Алексеевны, но и других политических и творческих деятелей искусства. Идеологическая ситуация в стране, атмосфера запретов практически ставила крест на всем, что хоть как-то отступало от генеральной линии. Система строилась таким образом, что в интересах Фурцевой было, скорее, запретить, а не разрешить жизнь какого-либо проекта, потому что за удачный спектакль похвала, как это бывало, доставалась режиссеру или артисту. А за «ошибки» отвечала только Фурцева.

Желающих запретить было множество, а брать на себя ответственность и разрешать никто, конечно же, не хотел. Иногда Екатерина Алексеевна шла наперекор цензуре, брала ответственность на себя. Но чаще, разумеется, по роду своей должности, должна была мешать появлению на сцене того, что считалось недозволенным. А не дозволялось в те времена очень многое. Но Фурцева ничего не боялась, умела рисковать.

Помимо партийных установок она часто руководствовалась личными симпатиями и антипатиями.

Екатерина Алексеевна неоднократно прикрывала спину Олега Ефремова. Он, будучи грешен, как и многие артисты, иногда позволял себе отклонения от норм в употреблении алкоголя. Часто бывал просто на грани фола. Фурцева не раз отводила от него беду. А в 1970 году его назначили главным режиссером Московского Художественного театра. Разумеется, при поддержке Фурцевой. Кто-то ведь должен был за него поручиться, а это было весьма не просто. Борьба между городским комитетом партии и Министерством культуры была очень жесткой. Одна деятельница Московского горкома даже хотела сдать Олега, предъявив доказательства его «болезни». В качестве союзника она выбрала Олега Табакова, обратившись к нему с таким предложением. А Табаков, в свою очередь, позвонил Екатерине Алексеевне и рассказал об этом. На что она ответила:

– Ты послал ее?

– Да! – ответил он.

– Вот так и надо! – отчеканила Екатерина Великая.

И нужно сказать, она успела увидеть правильность своего решения – первые десятилетия деятельности Олега Ефремова были чрезвычайно активными, интересными, разнообразными. Он привлек по тем временам едва ли не самую лучшую труппу в Советском Союзе: Смоктуновский, Евстигнеев. И самая интересная, гонимая и преследуемая режиссура в лице Льва Додина и Камы Гинкаса – тоже была его рук дело. Решиться на это надо было! Конечно, если бы у Олега не было поддержки Екатерины Алексеевны, вряд ли бы у МХАТа была такая история. И все это делала женщина – слабая, хрупкая и ранимая женщина!

А Табакову было всего 35 лет, когда его назначили директором театра «Современник». Как? Не без ведения Фурцевой, конечно. Кроме того, Екатерина Алексеевна очень симпатизировала и Галине Волчек. Она, еврейка, беспартийная, женщина, все-таки была утверждена на должность главного режиссера «Современника». Опять-таки не без помощи Екатерины Алексеевны. Если человек вызывал у нее доверие, его национальность, партийность, возраст, пол не были важны. Екатерина Алексеевна довольно круто умела брать руль на себя. При этом она была веселым, лукавым человеком, но не хитрым.

Существует еще одна история, связанная с восторженными воспоминаниями о потрясающей деятельности Фурцевой.

Когда «Современник» хотели закрыть, никто не смел высказаться против. И вот когда Екатерина Фурцева вернулась из поездки, она вызвала к себе Игоря Квашу, Галину Волчек, Нину

Дорошину и Олега Ефремова. Имея известность резкого человека, она с самого начала разговора всех удивила:

– А, это вы Ефремов? Как же, как же, я вас знаю. Мы с вами встречались на пленумах райкома!

Она была первым секретарем Фрунзенского райкома, а Олег – секретарем комсомольской организации Детского театра в этом же районе. Далее разговор был жестким: «надо закрывать театр, вы делаете, черт знает что».

А молодые артисты сидели и смотрели на нее с равнодушными лицами – все равно же закроют. Они отвечали ей разве что только «да» или «нет» и чуть ли не орали на нее. Молодые были, да и терять им было нечего! На подобное поведение Фурцева отреагировала совершенно спокойно, хотя с ней никто еще так не разговаривал. И вдруг она резко сменила тон разговора:

– Вот вы сделали спектакль «Взломщики тишины» о старых большевиках. А вы знаете, сколько их осталось? – сказав это, у нее на глаза навернулись слезы. – Их всего четыре с половиной тысячи. Ребята, а как вы их порочите?

В этот момент она уже утирала слезы, настоящие!

Все, наверное, полагали, что Екатерина Алексеевна наорет на них, они, конечно же, ее испугаются, а потом получат новое здание. А тут разговор пошел совершенно другой – ласковый, со слезами, с каким-то проникновением:

– Мы вам даем здание на площади Маяковского, но мы вас просим все-таки учесть наши порядки, учесть, какая сложная обстановка в стране!

И театр не закрыли! А спектакль шел без цензуры! По тем временам это было поистине невиданным действом! В зрительном зале театра «Современник» не было ни одного свободного места. Фурцева не дрогнула и не пошла против своих убеждений.

Позже Олег Ефремов, у которого с министром культуры были дружеские отношения, перешел во МХАТ руководителем. Ему было сказано сверху: «Надо возрождать МХАТ. Больше некому, давай ты. Ты сам мхатовец». И он не мог отказаться. Это было задание государственной важности, и актер должен был подчиниться партийной дисциплине, но делал это он неохотно. И «Современнику» предложили влиться в коллектив МХАТа. Отдали филиал МХАТа на улице Москвина. Но на собрании в «Современнике» решили, что не хотят они быть филиалом, и отказались пойти за Олегом.

В 1971 году вслед за Олегом Ефремовым, в труппу МХАТа перешел Евгений Евстигнеев. Фурцева уговаривала его

согласиться – хотя она и руководила культурой и у нее была неограниченная власть, все вопросы она пыталась решать дипломатично. Евгения Евстигнеева она уговаривала – обещала зарплату большую и роль Ленина. И он сдался.

Но позже, во МХАТе у Олега Николаевича не все пошло гладко. Он хотел реформировать его, сократить труппу. Но ему не позволили. По сути, это стало причиной разделения МХАТа. Хотя сам Олег Ефремов был человеком неконфликтным. Однажды, на одном из приемов, он, подвыпивший, подошел к Фурцевой и заявил:

– Вы – шлагбаум на пути советского искусства.

– Вы пьяны, Олег Николаевич, – ответила министр культуры.

– Конечно, – согласился актер. – Если бы я был трезвый, я бы вам этого не сказал.

К чести Екатерины Алексеевны, она после этого случая не изменила своего доброго отношения к Ефремову.

Однажды в Министерство культуры явились танцовщицы из ансамбля «Березка» – жаловаться на своего руководителя Надежду Надеждину. Екатерина Алексеевна выслушала их и отрезала:

– Таких, как Надеждина, больше нет, таких, как вы, много.

Фурцева общалась со многими известными актерами и деятелями культуры, и каждый из них знал, что может обратиться к ней за советом и помощью. Именно Фурцева спасла «Кавказскую пленницу». Актер Этуш играл в этом фильме роль «товарища Саахова». А парторга «Мосфильма» фамилия была Сааков. И начальство уперлось: надо переозвучивать! А это лишнее время, а главное – деньги. Тогда Юрий Никулин уже проверенным способом отправился на прием к Фурцевой. Без десяти десять утра он стоял в коридоре у ее приемной.

– О, какими судьбами! – поприветствовала его Екатерина Алексеевна и зашла в кабинет.

Через несколько минут пригласили Никулина. Он рассказал всю эту историю, а Фурцева схватила телефон и тут же связалась с директором студии:

– Эт-то что за идиотство?!

Тот ей сразу ответил:

– Что вы, что вы, никто и не ставил так вопрос, видимо, какое-то недоразумение, фильм уже готов и скоро выйдет на экраны!

Поддерживала Фурцева и Товстоногова, трогательно относилась к Давиду Ойстраху, бывала на всех его концертах. Однако такой чуткой она была далеко не ко всем. Рассказывают, что, заняв эту должность, она стала еще более требовательной и

непреклонной, чем раньше. Не любила дважды повторять свои указания, а люди, которые на ее вопросы отвечали «не знаю» мгновенно слетали со своих мест.

Свадьба Светочки

В 1960 году Екатерина Фурцева выдала свою дочь Свету, которой только исполнилось 18 лет, замуж за сына члена Политбюро Фрола Козлова, и вся партийная элита гуляла на этой свадьбе!

Первый раз Козловы увидели Светлану весной того же года, когда правительственная делегация прибыла в Индию. Фурцева взяла дочь с собой. Как только представлялась возможность, Фурцева непременно брала Свету с собой – она очень хотела показать ей мир. В двенадцать лет Света впервые с мамой побывала за границей, в Англии – это, кстати, и подвигло ее на решение после школы поступить в МГИМО. Это было ее решение, хотя многие и говорят, что институт дочери выбрала мама. Екатерина действительно очень хотела, чтобы Светочка пошла в институт, который она сама окончила, – тонкой химической технологии, и даже несколько раз водила дочку к своему любимому профессору. Но с химией Света, увы, поссорилась еще в школе. Поэтому остановилась на западном факультете МГИМО. Немалую роль в этом решении сыграл Фирюбин. Человек образованный, чрезвычайный и полномочный посол сначала в Праге, потом в Белграде, он стал в чем-то примером для падчерицы несмотря на сложные отношения.

Конечно, Света знала, что в этот институт просто так поступить нереально, поэтому занималась с очень хорошими педагогами. Казалось бы, возьми да набери мама номер телефона ректора. Ей бы точно не отказали. Но в семье даже разговоров на эту тему не возникало – если Света решила поступать в МГИМО, пусть делает это сама! Конечно, дочка могла попросить у мамы, например, что-то купить, но чтобы помочь в поступлении… Это было не принято.

Так вот, именно в поездке в Индию жене члена Политбюро Александре Константиновне Козловой очень понравилась беленькая, изящная, хорошо воспитанная Светлана, и у нее в уме зародился план познакомить с ней своего сына Олега. Это она и сделала – в том же году, по возвращении в Москву молодые люди познакомились.

Александра Константиновна слыла большой театралкой и выбрала какой-то хит в Театре сатиры, от которого было трудно отказаться. Заказала билеты, и Света с Олегом встретились. Он учился в Институте стали и сплавов, был старше нее на четыре года, много и интересно рассказывал о Ленинграде, который любил и хорошо знал. И вот вместо театра они пошли в ресторан

«Пекин». С этого все и началось.

Кончено Света была очарована высоким темноволосым юношей. Они были словно противоположности друг друга, но их так сильно тянуло друг к другу! Олег красиво ухаживал, дарил огромные букеты… Молодые люди познакомились в середине весны – погода была теплой, они гуляли допоздна… Света даже жила в то время у мамы – в городе, чтобы иметь возможность больше времени проводить с Олегом! Тот каждый вечер провожал ее домой, и они долго прощались у подъезда на улице Грановского, где тогда Екатерина Фурцева жила со своим вторым мужем Николаем Фирюбиным.

Матрена тоже приехала в столицу, но ей Светин ухажер категорически не нравился! Матрена караулила внучку на балконе и как молодые люди подходили к двери, сразу кричала из окна:

– Света! Немедленно домой!

Но как бы там ни было, а Олег сделал предложение через две недели после знакомства. А Фурцева восприняла новость, как и положено маме:

– Подумай, дочка. Как же твои планы на будущее? Как же институт, интересная работа? – спросила она.

– Я хочу быть с Олегом! – упрямо твердила Света, у которой в тот момент, кажется, совершенно отсутствовала способность думать.

Свадьбу играли на государственной даче. На Светлане было маленькое приталенное платье – Она была против огромных, похожих на торт, бальных платьев и хотела выглядеть модно и изящно. Светочка надела поверх платья очаровательный пояс из красивейшей, украшенной мелкими-мелкими камешками, индийской ткани, привезенный ею самой из Дели.

Среди гостей присутствовали Леонид Ильич Брежнев с супругой и дочерью Галей, Анастас Микоян с невесткой Элей, Хрущев с супругой, дочерью Радой и зятем Алексеем Аджубеем, известным журналистом. Никита Сергеевич преподнес в подарок Светлане флакон французских духов и куклу-барышню в роскошном длинном белом платье. Столы накрыли в саду под белыми цветущими вишнями. Пили в основном за Хрущева, иногда – за новобрачных, и ничего примечательного для Светы и Олега там не было.

Медовый месяц провели в Магнитогорске, куда Олега направили на практику. Потом жили в особняке Козловых на Ленгорах – небольшом двухэтажном доме с довольно скромной обстановкой, казенной, с инвентарными номерами…

Вскоре Светочка забеременела – они с Олегом ждали ребенка.

Все 9 месяцев мать находилась рядом с дочерью, не отходила ни на секунду – кажется, их отношения стали очень теплыми и тесными – Светочка и Катя снова были одной семьей, и скоро в этой семье должно было появиться пополнение.

Свету увезли в роддом. Рожала трудно, но ребенок родился, как сказали Екатерине, в рубашке – в смазке. Света весила тогда сорок шесть килограммов, а девочка почти пять. А в кремлевском роддоме порядки были еще более драконовские чем в обычном! Екатерина Алексеевна не смогла увидеть ни дочери, ни внучки, а только убедилась, что роды прошли благополучно, и дежурила под окнами, ожидая, когда Светочка выглянет в окно и покажет ей маленькую внучку.

Светлана лежала в палате на третьем этаже. Увидев маму внизу, Света почувствовала прилив необычайной нежности к ней. Теперь и она, Света, стала мамой, теперь их трое, и между ними завязался новый крепкий узелок.

Светочка хотела назвать дочку Катей – в честь матери. Но воспротивилась свекровь – Александра Константиновна. Она была против категорически и сама придумала имя для внучки – девочку назвали Марина.

– Ведь если бы родился мальчик, ты ведь не назвала бы его Фролом? – сказала свекровь Светлане, имея в виду своего мужа, члена Политбюро Фрола Романовича Козлова. Это был последний аргумент – Света не хотела ссориться с родителями мужа и согласилась. Ведь Светлана и Олег жили в квартире Козловых.

После рождения дочери Света совсем забросила университет. Появились «хвосты» по некоторым дисциплинам, и она не торопилась от них избавиться. Но однажды утром раздался телефонный звонок и веселый, но вместе с тем требовательный голос матери сказал:

– Ты думаешь, если уехала от меня и живешь теперь за высоким забором, так я тебя не достану? Ну-ка, немедленно сдай все «хвосты»!

Светлане всегда было удивительно, как мама при такой занятости и ответственности на службе умудрялась всегда быть в курсе ее жизни и вовремя поддержать, посоветовать, помочь. Еще когда Света была маленькой, вдруг появлялись в доме редкие по тем временам мандарины или прелестная французская шубка – в то время как мамы и в Москве-то не было, она была за границей. Ее незримое ласковое присутствие Света чувствовала всегда.

Фурцева бывала в гостях у Козловых не часто. Приехав поздравить Светлану с рождением дочери, Екатерина Алексеевна, глядя с нежностью на спящую в одеяльце Маринку, сказала: «Пусть у нее будет моя фамилия, она ей поможет…». Фурцева

знала, что говорила…

Женская привлекательность

Фурцева всегда отлично выглядела и даже после карьерной трагедии и желания покончить с собой – ничего не изменилось.

«Ее прекрасная фигура всегда была подчеркнута элегантным строгим платьем, – вспоминала Нами Микоян. – Русые волосы волнисто обрамляли лоб, высокий шиньон возвышался на затылке. Эту прическу потом делали многие работавшие в номенклатуре «дамы», из-за чего их, посмеиваясь, называли «Фурцева для бедных».

Екатерина Алексеевна всегда была подтянута, строго, со вкусом одета, красиво причесана. Около ее рабочего кабинета находилась маленькая комната, где стоял шкаф с ее платьями и со всем, что необходимо для вечерних мероприятий».

Женщины завидовали Екатерине. Екатерина, будучи даже далеко не в юном возрасте, продолжала нравиться мужчинам. Все дело в том, что ей всегда хотелось доказать, что ей под силу все, на что способны мужчины, и она с успехом это доказывала. И при этом выглядела и женственной и сильной. Можно сказать, что то, что она доказывала свое превосходство, унижало мужчин и это не могло не нравится ей самой. Это было чистое превосходство женщины. Все, буквально все, восхищались ее силой, но где же пряталась так тщательно скрываемая женская слабость?

«Однажды с подачи ее помощника, – рассказывал член редколлегии газеты «Советская культура» Владимир Разумный, – подготовили каркас выступления Фурцевой перед театральной общественностью столицы. Поздно вечером по ее просьбе, переданной одной из ее верных помощниц, приехал в Министерство культуры, где огнями светился лишь ее кабинет. Она быстро вошла, явно уставшая после какой-то отнюдь не приятной беседы в соседнем помещении ЦК КПСС, и сразу же приступила к импровизационному проговариванию тезисов будущего доклада, демонстрируя и обширную эрудицию, и афористичность мышления. А я же в это время смотрел на нее с чисто мужским восхищением, ибо все в ней было ладно, изящно, захватывающе-женственно. Вот здесь-то я и понял, что мутный поток нелюбви к неординарным, талантливым индивидуальностям у нас в подсознании усиливается столь же исконным, глубинным, мещанским неприятием женщины-лидера…»

Наиль Биккенин, который заведовал в отделе пропаганды ЦК сектором журналов, вспоминал, как ему позвонила министр культуры. Екатерина Алексеевна просила за журнал «Советский

балет», но, по словам Наиля, делала это очень аккуратно. Он весьма оценил ее аппаратную воспитанность. Кроме того она произвела на него неизгладимое впечатление как женщина. Однажды он увидел ее в Кремле. Она обратила внимание, что на нее смотрят, в частности, на ее красивые ноги, и изменила ракурс, чтобы они предстали в более выгодном свете.

«Трудное дело – в России ведать искусством и его жрецами, – писал Михаил Козаков. – Посочувствуешь. А каково женщине на этом посту? Да еще хорошенькой женщине, ладно скроенной, блондинке в черном пиджачке в талию, с голубыми глазками и вздернутым носиком?»

Дружба с Зыкиной

Конечно же, у Фурцевой были свои любимчики. Так, великому пианисту Святославу Рихтеру она помогла впервые выехать на зарубежные гастроли. Из-за сложности в биографии его родителей и особого политического режима СССР ему сделать это не давали. Многие артисты чувствовали себя как за каменной стеной, находясь под покровительством Фурцевой. Оперной певице Галине Вишневской Екатерина старалась выбивать и устраивать зарубежные гастроли. И помогла получить почетный в то время орден Ленина. А однажды даже спасла мужа Вишневской – талантливейшего виолончелиста Мстислава Ростроповича – от смерти, когда тот пытался отравиться, сведя счеты с жизнью, из-за несправедливого отношения к своему великому таланту.

Любимой балериной Фурцевой была Майя Плисецкая, которую она постоянно опекала и прощала ей все звездные капризы. А другая любимица Фурцевой – певица Людмила Зыкина – не знала никаких проблем с такой покровительницей. Фурцева, обожавшая все исконно русское, став министром культуры, большое значение уделяла популяризации и развитию русской народной песни. Собственно, это и послужило знакомству с Зыкиной, переросшему в крепкую дружбу. И значительно повлияло на то, что сама Зыкина стала самой яркой звездой в СССР того времени.

Шла декада искусства Российской Федерации, в Казахстане. Его величество случай свел певицу и министра именно здесь. Увидев Зыкину, Фурцева не сдержалась и огорошила артистку неожиданным признанием:

– Так вот вы какая – Людмила Зыкина! Много о вас слышала и очень хотела познакомиться!

Оказалось, что у них было много общего и вскоре деловые отношения переросли в доверительно-дружеские. И настолько крепкие, что многие, наблюдавшие за развитием их дружбы, удивлялись. Что могло настолько сблизить какую-то там артистку и министра культуры СССР?

Хотя, на самом деле ничего удивительного или странного в этом не было. Екатерина, даже заняв пост министра, так и не смогла понять, принять и главное – приспособиться к царившему среди коллег по партии полному аскетизму. И особенно когда это касалось человеческих чувств. Фурцева нуждалась в них особенно остро – ведь она была, прежде всего, женщиной, а уж потом – министром.

На протяжении долгих лет работы в Кремле рядом с ней не появилось тех людей, которым она могла бы раскрыть свою душу, и назвать настоящими друзьями. А Зыкиной удалось найти подход к Фурцевой, заполнив пустующую нишу простого человеческого общения. И, кстати, уже после смерти Фурцевой она была одной из немногих, кто не отрекся от нее. Хотя большинство прежних любимчиков министра культуры стали критиковать свою бывшую благодетельницу, оскорблять и поносить на чем свет стоит.

Фурцева могла ей беспрекословно доверять. Они дружили так долго не только из-за личных симпатий, но и из-за общих взглядов. Обе они были горячими патриотками России. Эта любовь к России-матушке способствовала новому яркому расцвету русской народной песни в СССР. Он как раз пришелся на годы ее правления в должности Министра культуры.

А началось все немного раньше – еще во второй половине 50-х, когда на повестку дня встал «русский вопрос». Толчком к нему стала все та же «русская партия», сумевшая сформироваться в недрах советской государственной элиты практически сразу после революции. Она тогда серьезно конкурировала с «иудейской партией». В те годы, когда у власти стоял Сталин, обе «партии» вели постоянную борьбу за «место под солнцем». Но вождь жестко отслеживал все ходы партий, и не давал ни одной из сторон иметь подавляющего преимущества. Его смерть развязала руки входящим в эти партии людям и борьба «русских» и «иудеев» разгорелась с неистовой силой. Хрущев пытался грамотно лавировать между ними, то склоняясь в своих симпатиях к одной из сторон, то к другой.

Это и послужило в какой-то момент к созданию Хрущевым Бюро по РСФСР, которое он сам и возглавил. И появлению ряда идеологических структур, объединявших под своими знаменами членов «русской партии» (конечно, членство это было только формальным, то есть негласным): Союз писателей и Союз художников РСФСР, газеты «Литературная Россия» и «Советская Россия».

В этот период и случился подъем русской народной песни. Именно тогда появились новые свежие голоса вместо старых, которые отошли на второй план, в лице Лидии Руслановой и Марии Мордасовой. Это были Ольга Воронец, которая с 1956 года стала солисткой Москонцерта, а с начала 60-х обрела всесоюзную славу, появившись на экранах телевидения, Людмила Зыкина, сделавшая серьезную сольную карьеру после ухода из хора имени Пятницкого, Александра Стрельченко и другие.

Вокруг Екатерины всегда было много людей. Но как это

обычно бывает, она чувствовала себя одинокой. Многие стремились получить ее покровительство ради карьеры, звания, заграничных командировок. Старались оказаться поближе к ней и всеми силами привлечь ее внимание. Но Фурцева это прекрасно понимала, а потому привечала немногих. Зато приближенные никогда об этом не жалели. Екатерина, была щедрой и великодушной к тем, кто мог скрасить ее тоскливое одиночество.

Зыкина рассказывала, что Фурцева была очень скромной женщиной, несмотря на высокий министерский пост и регалии.

– Она обычно посещала Центральные бани, где для нее выделялся специальный номер, – рассказывала Зыкина. – Однако вела она себя на удивление скромно. Однажды, когда по каким-то причинам номер оказался закрыт, а ждать Фурцева не хотела, она с подругами отправилась в общее отделение. Большинство посетителей, которые в тот день там мылись, поначалу не узнали в ней министра культуры, просто обратили внимание на женщину, чей портрет они так часто видели на огромных плакатах, развешанных по городу в праздничные дни…

Конечно, у Фурцевой было много противников. Еще бы! Женщина – министр! Да еще и по характеру далеко не ангел. С каждым ее запретом или мнением, идущим вразрез с другими, она получала новых врагов. Екатерина могла ошибаться и быть несправедливой по отношению к некоторым людям, например, к деятелям культуры, но нужно учитывать тот факт, что это не было продиктовано чертами ее характера. А в большинстве случаев влияли обстоятельства, которые она хорошо понимала и политические законы. Так, например, спектакль «Живой» в Театре на Таганке в 1968 году был закрыт не потому, что Фурцева действительно считала его идеологически неправильным. Юрий Любимов был тогда лидером либеральной творческой оппозиции и создавал спектакли, практически в каждом из которых была какая-нибудь критика в адрес правящей верхушки. Екатерина решила, что это следует пресечь, за что Любимов считал ее своим врагом до самых последних дней.

– Мне было очень больно, когда Любимов вдруг написал в «Огоньке», что Фурцевой некогда было заниматься культурой, потому что она занималась Зыкиной, они вместе «закладывали и парились», – вспоминала Зыкина. – Я Любимова после этого перестала уважать. Как такой человек может возглавлять коллектив, быть режиссером? То, что он сказал, не только некрасиво. Каким бы министром Фурцева ни была (а министром она была очень хорошим), уважающий себя мужчина не должен так грязно говорить о женщине.

Для Зыкиной Фурцева была мощным и харизматичным

лидером. Она частенько вспоминала их задушевные беседы.

– Ну как скажите, Екатерина Алексеевна, можно вместить в себя все знания? – часто спрашивала Зыкина Фурцеву. – Заниматься литературой, живописью, архитектурой, музыкой, кино. Вот, допустим, такие сильные художники, как Кибальников, Вучетич, – ведь понять их труд очень сложно!

– А мне и не надо понимать. Я призову их обоих, и пусть они разговаривают. А я просто слушаю, – отвечала ей Екатерина Алексеевна. А ведь, действительно, Фурцева не боялась держать около себя сильных людей. И этому Зыкина у нее научилась. Они общались в течение десяти лет, и, надо сказать, очень легко и с удовольствием сотрудничали.

У самой Зыкиной была тоже нелегкая судьба – четыре замужества, отсутствие детей, все это тоже накладывало отпечаток на ее душевное состояние. Из-за огромного количества работы, таланта и чрезвычайно плотного рабочего графика женщина тоже не была счастлива в личной жизни. Они обе были мощными личностями и хорошо друг друга понимали даже без слов.

Еще одно предательство и пустота

Конечно, Фурцевой приходилось сталкиваться с огромным количеством интриг. Но, в отличие от многих деятелей культуры, она старалась их избегать и не вмешиваться в такие подлые игры. Кляузы, доносы, анонимки друг на друга текли просто рекой. «Люди культуры» приносили и присылали их Екатерине постоянно, требуя у нее помощи. Когда она знала о каком-то конфликте доподлинно, то старалась разобраться в ситуации, но все же большинство из них «клала под сукно», потому что это были «разборки» и обычные склоки, не более. Но этим она только еще больше увеличивала число своих недоброжелателей. Фурцеву боялись, молчали и не смели возражать против ее решений. А когда министра не стало, припомнили ей все! Конечно, ведь сейчас уже не нужно было бояться. Никто бы не смог наказать за клевету или навет…

Галина Вишневская, уже живя за границей, выпустила свои мемуары, в которых описала Фурцеву как «запойную пьяницу», которая «ни черта не смыслит». Екатерина же уважала Вишневскую и поддерживала, как могла. Но видимо певица посчитала, что Фурцева была не достаточно к ней благосклонна. Это навсегда останется за кадром… И исчезнет в прошлом.

Хотя то, что Фурцева пристрастилась к алкоголю, знали многие. Но разве пытались они понять душу сильной женщины, которая боролась всю свою жизнь? Может быть, попытавшись понять ее трудный путь, оценки недоброжелателей Екатерины были бы совсем другие? Как можно судить и осуждать ее жизнь, о которой не знает никто кроме самой Екатерины?

Возможно, алкоголем она пыталась заполнить душевную пустоту, которая становилась все больше и больше. Возможно, виновата генетика – ведь слабость к спиртному могла передаться от ее отца – простого рабочего с ткацкой фабрики.

Однако она не была этой самой запойной алкоголичкой. Она никогда не была такой в отличие от своего родного брата, который уходил в долгие запои и постоянно попадал в жуткие скандальные истории. Но это было давно, тогда еще Екатерина была совсем юной девушкой. А сама Фурцева прибегала к алкоголю только тогда, когда пыталась найти выход из стрессовых ситуаций, которые частенько происходили с ней как в личной, так и в общественной жизни.

В начале 60-х годов ее дочь Светлана уже была взрослым человеком и жила самостоятельной жизнью. Потом у Светланы родилась Маришка, внучка Екатерины. У дочки была уже своя

собственная жизнь. А прежде обожаемый муж уже таковым не являлся. Все закончилось также быстро, как и началось. И, кажется, у мужа началась другая жизнь. Все чаще до Екатерины доходили слухи о его романах. Ведь, как и прежде, он нравился женщинам. И пользовался их вниманием. От боли хотелось кричать, но разве сильная женщина имела право позволить себе такую роскошь? Как это быть слабой? Нет!

Алкоголь помогал на время забыть об одиночестве и восполнить ту пустоту, которой, казалось, было так много, что она могла заполнить все вокруг. Алкоголь как обезболивающее, как анестезия, как средство, которое делает счастливым хоть на мгновение.

Развестись с Николаем они не могли, ведь это могло повлечь за собой огромный скандал, который негативно сказался бы на карьере обоих. Они даже все еще жили под одной крышей, хотя фактически были уже чужими друг другу людьми. Фирюбин достаточно спокойно пережил их расставание, и ему хватало сил не прибегать к алкоголю. У Фурцевой все обстояло иначе – нервы начали сдавать. И не удивительно – сколько можно было терпеть интриг за спиной, расставаний, унижений? И хоть ее характер был словно стальной, она, кажется, дошла до своего предела.

Но внешне Екатерина оставалась самым красивым кремлевским руководителем. Лучшие портные Москвы шили ей одежду, а фасоны костюмов и платьев были настолько элегантными и модными, что как только Фурцева выезжала за рубеж, газеты и журналы каждый раз непременно это отмечали. Эти же издания присудили Екатерине неофициальный титул «Первой дамы Москвы».

И конечно глядя на эту стройную, красивую и элегантно одетую женщину, мало кто мог себе представить, что творится у нее в душе. И насколько она мучается и страдает. Ее все чаще мучили головные боли, от которых хотелось лезть на стенку. Но хуже этого могло быть только то, что у нее была разрушена семья, и не было близких подруг.

Пристрастие к алкоголю усугубил еще и тот факт, что в кремлевских кулуарах стали ходить слухи, о том, что Фурцеву хотят отправить на пенсию. И они имели под собой определенную основу. Советская политическая элита стояла на пороге культурного и экономического сближения с Западом. Перемены должны были стать новым большим шагом для СССР. Но для осуществления таких планов нужны были новые люди с более гибким характером, современными идеями и либеральными взглядами. Екатерина Фурцева к таковым не относилась…

От хорошего к лучшему

Как же все это случилось? Почему пошли разговоры о том, что Екатерину Алексеевну Фурцеву собираются убирать с поста министра, что ждет ее безрадостная пенсионная жизнь – и, может быть, даже одинокая пенсионная жизнь, поскольку рушилась не только ее политическая карьера, но и отношения с мужем?

Ни по возрасту, ни по настроению она вовсе не собиралась уходить. Наверное, она даже и представить себя не могла на пенсионном покое. Но, похоже, ее министерские дни были сочтены. И рассчитывать на милосердие товарищей по партии ей не приходилось. В политическом мире нет, да и никогда не было настоящих человеческих отношений, здесь была беспощадная борьба за власть или за иллюзию власти.

По словам современников Фурцевой, она и сама могла быть жестокой и беспощадной. Якобы, она очень быстро привыкла к роли вершителя судеб и к власти над людьми. Странно, что ее не окрестили «железной леди». Хотя само это понятие родилось позже, уже после ухода Фурцевой из жизни. Да она и не была железной! Она была, пожалуй, чересчур чувствительной.

Уже не в юном возрасте Екатерина Алексеевна продолжала волновать мужское воображение. Общество восхищалось ее силой, но жаждало увидеть следы тщательно скрываемой женской слабости. Очевидцы, зная, что министр культуры дружила с Людмилой Зыкиной, уверяли, что на даче у певицы министр крепко выпивала. За столом, когда спрашивали, что ей налить, Екатерина Алексеевна отвечала одинаково:

– Я всегда с мужчинами, я пью водку!

В 1972 году умерла мать, Матрена Николаевна. Для Екатерины Алексеевны это был удар. Она зависела от матери, нуждалась в ее постоянном одобрении. Считается, что девушки выходят замуж за своих отцов, то есть инстинктивно ищут мужчину с привычными чертами характера. Фурцева же, пожалуй, вышла замуж за свою мать! Мать заставляла ее жить в бешеном темпе.

– Катя, не позволяй себе отдыхать и расслабляться, двигайся от хорошего к лучшему! – постоянно подбадривала ее мать.

Так же строились отношения с мужем. Она нуждалась в его расположении. Понимала умом, что не в состоянии угодить ему во всем, но пыталась. Получалось, что единственный способ заставить его быть нежным – угадывать и исполнять все его желания. Конечно, внешне Екатерина старалась поддерживать впечатление благополучной семьи. Она частенько бывала с

мужем в театрах, ходила к общим знакомым в гости. Она не хотела развода, боялась одиночества. Но муж все чаще старался обойтись без нее.

– Вышний Сволочок! – цедил он презрительно сквозь зубы, когда хотел особенно досадить своей супруге.

Более успешная жена, видимо, его раздражала. Вероятно, он ей завидовал.

Как-то Фурцева поделилась с мужем восторгами о подрастающей внучке, полагая, что внуки могут их сблизить, ведь своего Колю, сына дочки Риты, Фирюбин просто боготворил.

– Да-а, – протянул задумчиво Николай Павлович в ответ, – плохо быть дедушкой, но еще хуже – быть мужем бабушки. В тот момент на губах его заиграла ехидная торжествующая улыбка…

Подруги знали, что на душе у нее неспокойно. Она говорила, что ее никто не понимает, что она одинока и никому не нужна. Разумеется, она имела в виду мужа. Насколько справедливы эти упреки? Сам Николай Павлович о своих отношениях с Екатериной Алексеевной не рассказывал. Во всяком случае, публично. Он умер еще до того, как журналисты получили возможность задавать ему столь личные вопросы…

Умру министром!

Фурцева занялась постройкой собственной дачи и попросила о помощи «подведомственные учреждения». Желающих посодействовать министру строительными материалами и рабочей силой оказалось множество. При этом кто-то из посвященных написал донос: Фурцева, нарушив государственную дисциплину и партийную этику, приобрела по льготным ценам строительные материалы в Большом театре.

Дело разбирала высшая инквизиция – Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, которым руководил бывший руководитель Советской Латвии член политбюро Арвид Янович Пельше. Личная собственность считалась делом антипартийным. Поэтому руководители страны обходили этот запрет и строили дачи на имя родных и близких. Фурцева поступила неосмотрительно, записав дачу на свое имя.

Екатерина Алексеевна признала, что допустила грубую ошибку и сдала дачу. Ей вернули двадцать пять тысяч рублей. Она положила их на книжку и написала завещание в пользу дочери. Но все равно ее решили отправить на пенсию. А она сказала подруге: «Что бы там ни было, что бы про меня ни говорили, я умру министром». Так и случилось…

Теперь уж не узнать, что именно произошло поздним вечером 24 октября, когда Фурцева вернулась домой. Возможно, именно в тот день стало известно, что ее ждет пенсия, а Николай Павлович встретил другую женщину. Екатерина Алексеевна не выдержала двойного удара. Тоскливая жизнь брошенной мужем пенсионерки была не по ней…

Наверное, много раз она мысленно прикидывала, сможет ли жить без работы и без мужа. Эмоционально она полностью зависела от своего положения в обществе, от того, как на нее смотрят окружающие. И, конечно же, от мужа! Одиночество казалось самым страшным испытанием. Она даже не могла подумать о том, чтобы порвать с ним и начать все заново с другим человеком.

Не так-то просто обрести покой израненной душе. Как вернуться из глубины несчастья к нормальной жизни? Это мистическое путешествие. Чувства и страхи, испытанные в детстве, остались навсегда и возвращались вновь и вновь, особенно тогда, когда Екатерина Алексеевна была не в силах справиться со своими проблемами. Она, наверное, понимала, что потеря отца – все это было давным-давно, но какая-то часть мозга по-прежнему воспринимает мир так, словно она еще маленькая

девочка, оставшаяся без папы. Страх быть брошенной лишал ее возможности посмотреть на вещи реалистично.

После полуночи Светлане позвонил Николай Павлович Фирюбин и все сообщил…

Когда приехали дочь с мужем, в квартире еще находилась реанимационная бригада. Доктор пытался успокоить Светлану: «Даже если бы это случилось в больнице, врачи не смогли бы помочь». Диагноз – острая сердечная недостаточность…

Но почему все сложилось именно так? Видимо это только посторонним казалось, что ничего не предвещало последующих драматических событий. Ведь Фурцева выглядела настолько сильной и уверенной в себе…

За день до кончины Екатерину Алексеевну видели в кремлевской больнице. На вопрос «по какому поводу здесь», она отвечала, что «У меня что-то с сердцем плохо, болит…».

Это было сказано за день до смерти… Возможно специально для того, чтобы скрыть от чужих глаз задуманное… 24 октября 1974 года говорили о том, что и министерское кресло ей не удержать, и она получит пенсию… К этому стоит прибавить то, что муж больше не любил ее. А еще одного такого же бурного романа не случилось. Екатерина не смогла выдержать двойного удара: жизнь никому не нужной пенсионерки, помноженная на одиночество и тоску.

Наверное, много раз она мысленно задавала себе один и тот же вопрос: сможет ли выжить без любимой работы и без мужа? Если бы не этот нож в спину в карьере…

«Была влюбленность в Фирюбина, ее второго мужа, – вспоминала Нами Микоян. – Я видела начало этого брака, увлечение рыбалкой – в отпуске она на рассвете уезжала на катере в море, почти на весь день, потом коптила сама выловленную рыбу, всех угощала вечером, долго плавала в море, иногда совершала очень долгие прогулки в горы – это было в Пицунде, на даче грузинского Совета министров. Уезжая оттуда, она свои летние сарафаны и платья оставляла горничным, работавшим на даче, о чем они радостно перешептывались».

Личная жизнь ее расклеивалась, хоть внешне все оставалось по-прежнему. Но Фирюбина раздражало ее высокое положение, которое всегда превышало его собственный статус. Она много рассказывала о своей неудачной жизни с мужем одной из близких подруг – Наде Леже, вдове французского художника Фернана Леже, и уроженке Витебска, тоже сильной и умной женщине…

Как Екатерина могла вернуться к нормальной жизни, когда душа была вся изранена? Это была настоящая трагедия, как для женщины, так и для политика. И она нашла для себя тот выход,

который был для нее проще всего.

Для дочери Светланы смерть матери также осталась загадкой. На вопросы и расспросы журналистов по этому поводу она всегда отвечала:

– Этот вопрос со мной обсуждать сложно. Я знаю то, что знают и остальные. Конечно, можно выстраивать разные версии, особенно по аналогии с шестьдесят первым годом. Мы с мамой никогда не обсуждали этой темы, но я уверена, что причиной расстаться с жизнью в шестьдесят первом году было не честолюбие, как некоторые сейчас представляют, а глубокая обида от предательства человека, которому она верила… Она всегда говорила, что не болезнь или смерть, а предательство – самое страшное в жизни. Но в семьдесят четвертом, осенью, пик переживаний в маминой жизни уже прошел… Уверена, что никакого самоубийства не было. Я не хочу думать о не случайности ее смерти, у меня нет для этого оснований.

С фотографии, опубликованной в «Литературной газете» вместе с некрологом, вспоминал драматург Самуил Алешин, «на вас смотрело милое, прелестного овала молодое лицо с красивой волной блестящих волос, с большими девичьими, словно вопрошающими глазами под темными дугами бровей».

Прощание с Фурцевой проходило в новом здании МХАТа, именно для его строительства она приложила так много усилий. Поминки были в Доме актера. Константин Симонов, писатель которого Фурцева когда-то серьезно критиковала на секретариате ЦК, сказал:

– Екатерина Алексеевна всегда имела смелость сказать «да» и делала все, чтобы поддержать, помочь новому, порой только пробивающемуся. Имела смелость сказать «нет», и ее поступки всегда соответствовали сказанному. Согласен, так говорить и поступать могла только большая, светлая личность…

Ее первый муж, Петр Битков, признался дочери на похоронах, что всю жизнь любил только Екатерину. Хотя он и нечасто заходил проведать дочь, внучку, бывшую жену. Он не намного пережил Фурцеву, и вскоре сам покинул этот мир. Почему так сложилось? Жизнь – загадка и не каждому под силу ее разгадать.

Что же касается Николая Фирюбина, то он неприлично скоро женился на Клеопатре Гоголевой, вдове Александра Васильевича Гоголева, покойного секретаря Московского обкома партии. Они, как оказалось, жили на дачах по соседству. Он пережил Фурцеву на 9 лет. Светлана вспоминала о нем:

– У меня с ним были сложные отношения, он был человек увлекающийся, но, на мой взгляд, никогда ничем не умел дорожить… Последние годы были сложными… Прежде всего,

потому, что Фирюбин очень плохо старился. Разницы в возрасте с мамой у них практически не было, но Николай Павлович, в отличие от мамы, чувствовал свои годы. Часто не совсем деликатно повторял: «Плохо быть дедушкой, но еще хуже быть мужем бабушки», стремясь сделать ей больно, как будто мстил за что-то… Признаться, мне трудно быть к нему объективной. Но женского счастья он маме не дал…

Никто уже не узнает, были ли на самом деле справедливы эти упреки. Сам Николай о своих отношениях с Екатериной не распространялся. По крайней мере, публично. И умер еще до того, как журналисты смогли и получили право задавать подобные личные вопросы.

Третьего декабря 2004 года на доме 9 по Тверской улице в Москве появилась бронзовая мемориальная доска. На ней профиль Фурцевой и надпись: «Екатерина Алексеевна Фурцева, выдающийся деятель культуры, жила в этом доме с 1949 по 1960 год».

Прогрессисты против ортодоксов

Приближение трагедии приблизило и само время, сформированное запросами советской политической элиты на пороге нового времени. И получалось, что Фурцева оставалась за бортом того корабля, на котором она плавала столько лет. Череда отставок в верхах не заставила себя ждать. И на места принципиальных людей – ортодоксов пришли более гибкие руководители – прогрессисты.

Как ни странно среди последних было много представителей из Украины (в верхах ее называли «днепропетровской»). Выходцы с Украины группировались вокруг Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Их врагами были представители «русской партии», которые пользовались покровительством председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина. Фурцева как раз входила именно в «русскую партию». Но с первой половины 70-х началось целенаправленное вытеснение «русских» с ведущих позиций в советских верхах и замена их «украинцами» или противниками из «иудейской партии». Последние сформировали ситуацию в верхах, что впоследствии серьезно поспособствовало приходу к власти Михаила Горбачева.

Дальше разворачивались драматические события, которые могли подтолкнуть к уходу из жизни Екатерину Великую. Это прозвище появилось буквально через месяц после назначения ее министром культуры. Теперь по всей стране ее именовали не иначе как Екатерина Великая.

Еще вначале 60-х увольнение Фурцевой вероятнее всего было инициировано ее недоброжелателями, которые были очень заинтересованы в устранении ее с высокого поста. А в конце 1973 года Екатерину не избрали депутатом Верховного Совета СССР.

Через год в погожий летний день Екатерину вызвали в Комитет партийного контроля. Тогда она словно почувствовала что-то неладное. Интуиция еще никогда не подводила ее. Ее опять обвинили в аморальном поведении. Говорили, что она не достойна оставаться членом партии и быть руководителем. Припомнили «непозволительное» строительство собственной дачи. Все припомнили!

Екатерина не молчала! Она не могла стерпеть такое и попыталась защищаться! Но куда там! Похоже, все действительно было спланировано заранее. Все ее оправдания только усугубляли ситуацию. На том заседании был член Политбюро Андрей Кириленко (один из «украинцев», именно он вначале 50-х пять лет руководил Днепропетровским обкомом партии), он не терпел

пререканий. И хотя Фурцевой объявили просто строгий выговор, она понимала – это был смертный приговор, который оказался в прямом смысле смертным. Игра окончена, работы Фурцевой в министерстве больше не увидеть никогда. Она это поняла, и, может быть, в ее голове созрело трагическое решение. Это была вся ее жизнь, которую в одночасье у нее отобрали.

Но в сентябре Екатерина все же отправилась на юг, отдохнуть. В Москву возвращаться не хотелось, ведь там ее больше ничего не ждало… Но в середине октября она все же вернулась. Уставшая и постаревшая. Вяло включилась в работу, но уже без энтузиазма. И спустя неделю ее не стало.

Конечно, по официальной версии было объявлено, что смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности. Но до сих пор это доподлинно не известно. Говорят, это было самоубийство – якобы Фурцева приняла большую дозу снотворного.

Людмила Зыкина видела Екатерину Алексеевну в последний день ее жизни 24 октября 1974 года. Она тогда приехала с гастролей, впереди был отпуск. Заехала в Москву на день, чтобы затем отправиться на гастроли в Горький, а в тот момент ей позвонили из Министерства, ее искала Екатерина Алексеевна.

– Людушка, ну что же вы пропали? – ласково пропела она в трубку своей подруге.

Надо отметить, что Фурцева никого и никогда не называла на «ты».

Они с Зыкиной встретились у общих знакомых и как водится пошли в баню.

– Видите, сколько забот. Малому театру – 200 лет, Ойстрах умер, надо организовать похороны… – жаловалась на невозможную занятость Фурцева.

После этого она пошла на прием в честь 200-летия Малого театра. По рассказам очевидцев, выглядела она оживленной и счастливой, пила только безалкогольные напитки. Но до конца вечера не досидела и спешно засобиралась домой в отличие от бывшего, хотя и законного мужа, который остался на банкете. Говорят, за столом она сидела вместе с Лапиным, тогдашним председателем Гостелерадио. И будто бы он сказал ей что-то неприятное…

После банкета Екатерина Алексеевна вдруг снова позвонила Зыкиной и сказала таким тихим, усталым голосом:

– Люда, я вам вот почему звоню: вы сами за рулем сидите? Так будьте осторожны!

Узнав о том, что ее муж Николай Павлович еще остался в Малом, Зыкина спросила:

– Мне приехать к вам?

– Нет-нет, я сейчас ложусь спать! – ответила она.

На этом их разговор был закончен.

А когда спустя два часа Николай Фирюбин вернулся в их когда-то любимый дом на улице Алексея Толстого, Фурцева была уже мертва.

А на следующий день Людмила Зыкина узнала о смерти Екатерины Алексеевны. Она тут же вернулась, несмотря на то, что уже ехала в другой город. До ее сознания случившееся не доходило, но спрашивать о чем-то она не стала. Ей, впрочем, как и всем, лишь сказали, что Екатерине Алексеевне стало плохо – сердце…

Гражданская панихида проходила в здании МХАТа. Зыкина пела у гроба Фурцевой песню-плач «Ох, не по реченьке лебедушка все плывет…». После похорон Николай Павлович со Светланой позвали ее на поминки, но она не поехала. Потому что никому из них не доверяла. Вместе с несколькими такими же близкими Екатерине Алексеевне людьми они пошли к Зыкиной домой и устроили свои поминки. Вспоминали и плакали… Она ведь была им близким и очень дорогим человеком…

С тех пор прошло много лет и теперь можно объективно оценить жизнь Екатерины Фурцевой и ее деятельность как министра культуры. Раньше в таких оценках было бы мало объективности – большинство противников Фурцевой захлестывали эмоции, им все еще хотелось свести счеты с ней, а через нее и с Советской властью, при которой они работали и жили. И неплохо, надо заметить, жили… Но видимо не давало им покоя то, что Фурцева была не только женщиной и значимой персоной, но и занимала высокий пост.

Но теперь эмоции давно уже улеглись и можно спокойно сказать: да, Екатерина Фурцева была далеко не ангелом, но и не монстром, каким ее называли в советское время. Она была сильной женщиной, со всеми присущими только ей достоинствами и недостатками. Человеком, с большой буквы, который, без сомнения, был одним из самых ярких руководителей, когда-либо стоявших у руля нашей страны. Честь и слава Екатерине Великой!